

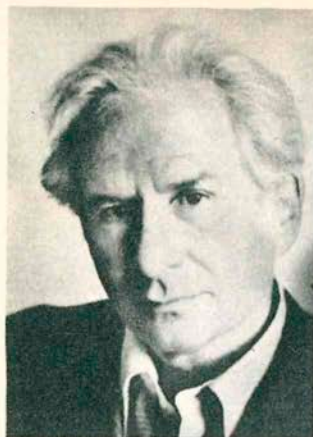
35 коп.

А. Володин

Осенний
марафон

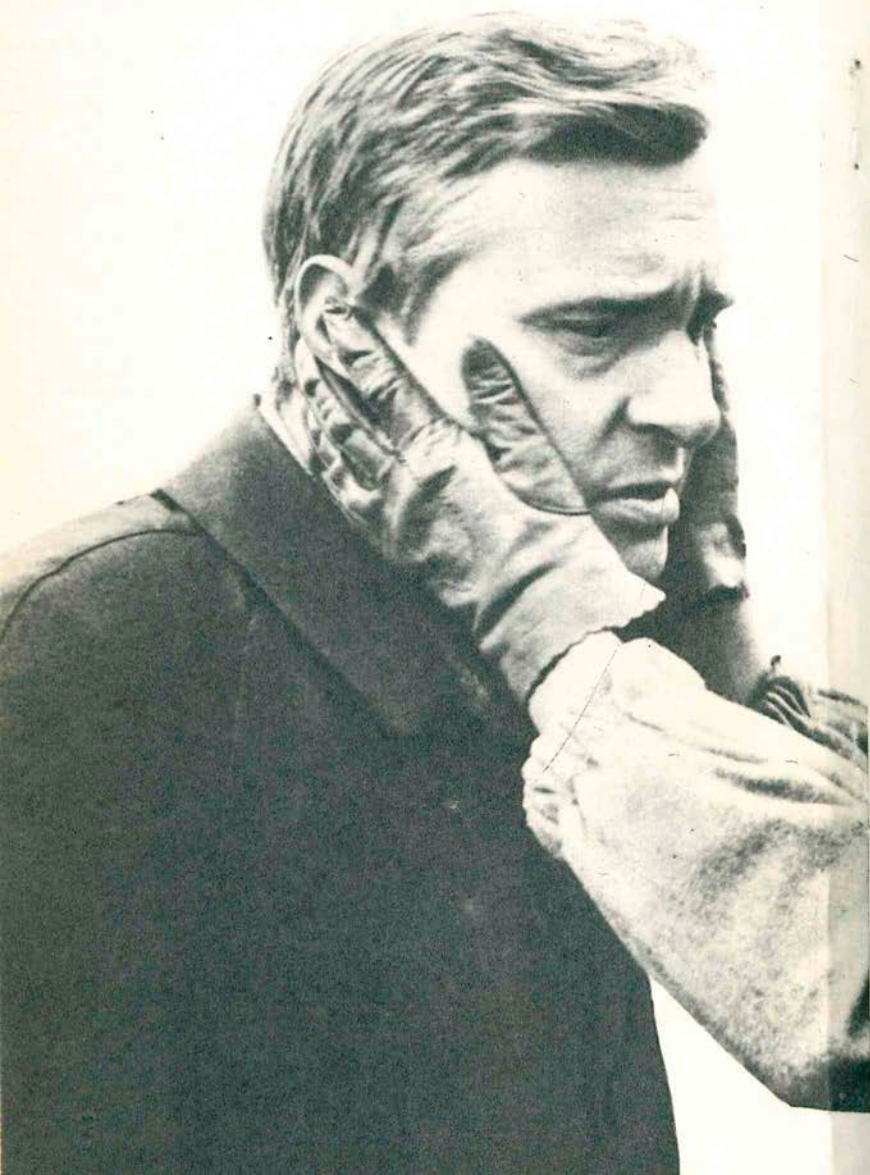

Володин Александр Моисеевич родился в 1919 году в Минске. После окончания школы и краткосрочных курсов пошел работать учителем в сельскую школу. В годы Отечественной войны был связистом, сапером, участвовал в боях на Западном фронте и на Белорусском. Уже в мирное время окончил сценарный факультет ВГИКа. Работал

редактором на студиях «Леннаучфильм» и «Ленфильм». В пятидесятые годы начинает писать рассказы и пьесы. Первая же его пьеса «Фабричная девчонка» [1955] шла в театрах Москвы, Ленинграда, других городах нашей страны и за рубежом. Широко игрались также и все последующие его пьесы «Пять вечеров», «Старшая сестра», «Назначение», «С любимыми не расставайтесь», «Дульсинея Тобосская», «Две стрелы».

По киносценариям и пьесам А. Володина поставлены фильмы: «Звонят, откройте дверь!» [режиссер А. Митта, 1965], «Похождение зубного врача» [режиссер Э. Климов, 1966], «Фокусник» [режиссер П. Тодоровский, 1968], «Дочки-матери» [режиссер С. Герасимов, 1975], «Пять вечеров» [режиссер Н. Михалков, 1979]. Фильм, поставленный режиссером Г. Данелия по сценарию «Осенний марафон», получил главный приз на Международном кинофестивале в Сан-Себастьяне.

А. Володин

Осенний марафон

(печальная комедия)

Киносценарий

«Осенний марафон»

Кино отличается от театра тем, что в нем все делается раз и навсегда. Даже так называемые «римэйки» («remake») предполагают перелицовку сюжета, а не возврат к старому сценарию. В фильме сценарию надлежит «умереть». Между тем пьеса может ставиться на сцене столько, на сколько хватит ее человеческого и общечеловеческого содержания. В каждой интересной постановке она возрождается заново. Как частный случай возможна и ее экранизация.

Володин — прирожденный театральный драматург. Это редкий дар — более редкий, чем талант вообще писательский (впрочем, всякий талант редкость).

Лет двадцать — двадцать пять назад «театр Володина» стал открытием и частью биографии целого поколения. Тот, кто видел «Фабричную девчонку», «Пять вечеров», «Старшую сестру», до сих пор хранит благодарную память об этих спектаклях, сколько бы нового ни случилось за это время в театре. Но волею обстоятельств Володин со временем все больше отходил во владения кино. Список режиссеров, которые ставили фильмы по его сценариям, представлен и говорит сам за себя. Э. Климов снял «Зубного врача», П. Тодоровский — «Фокусника», А. Митта — «Звонят, откройте дверь!», С. Герасимов — «Дочки-матери», Г. Данелия — «Осенний марафон», Н. Михалков — «Пять вечеров». И это не все.

Режиссеры, которые брались за володинские сценарии, кажется, никогда не разочаровывались. Ленты получились разные (в зависимости от индивидуальности режиссеров, от выбора актеров) — как еще более разнообразны были постановки на сцене володинских пьес. И все-таки все это разное — фильмы и спектакли — отмечено чем-то неуловимо общим и может быть в совокупности названо «театр Володина», хотя речь идет не в последнюю очередь и о кино.

Ведь даже самые лучшие из фильмов, как и самые удачные из спектаклей, не исчерпывают написанного автором. Это естественно для драматического писателя, который оставляет необычайно большое пространство для воображения режиссера, актера и зрителя, но не отказывается и от собственной личности. Потому за вычетом актерских удач — самых бесспорных — и режиссерских решений — самых неожиданных — остается в неизменности

80106-231

В 93-95-80 4702010200

025[01]-80

еще нечто: текст Володина, интонация Володина, тема Володина. Ибо он — писатель, и его материал — слово. Фильм, поставленный по Володину, всегда есть экранизация литературного произведения, которое не может раствориться в изображении, как бы ни стремился к тому сам автор, стараясь быть, елико возможно, кинематографичным. Оно продолжает существовать еще и само по себе, суверенно, как не часто случается в нашем кинематографическом деле.

Как у всякого истинного писателя, у Володина есть постоянные темы и мотивы, своя избирательность, свои пристрастия. Довольно долго его занимали женские характеры по преимуществу. «Героями» пьес (или сценариев — это не важно) могли быть мужчины, но лучшие «роли» все равно доставались актрисам. Фабричные девчонки, продавщицы и секретарши, телеграфистки, даже просто школьницы, обойденные житейской удачей, мужским вниманием, поглощенные буднями существования, — они никогда не были обделены у Володина силой духа и самостоятельностью характера. Как бы скупа и сурова ни была к ним жизнь, как бы мало она ни уделяла им для расцвета, они прорастали сквозь нее с той неистребимой стойкостью, как какой-нибудь подорожник на затоптанном проселке. Даже в самых смешных, ненавистных, огрубевших, в них все равно жил проблеск доброты и самоотверженности, живая готовность к радости. Это составляло секрет и оригинальность володинских женских характеров, как, впрочем, и вообще его ранних пьес. Через дословную точность быта в них всегда сквозил отблеск идеального; в «маленьких» людях вдруг открывалась личность. Житейская неустроенность была способом охранить ее, словесное ёрничество ограждало чаемую высоту душевного строя. «Положительное» через «отрицательное» долго было кратчайшей формулой володинского театра. Она обеспечивала внутреннее напряжение его пьес.

Позднее центральными персонажами его пьес и сценариев стали образы мужские, близкие ему по характеру: Лямин в пьесе «Назначение», Кукушкин в сценарии «Фокусник», Чесноков в «Похождении зубного врача» и даже Ушастый — первобытный интеллигент в пьесе «Две стрелы».

«Осенний марафон» продолжает, но и не продолжает мотивы, приемы, человеческие типы этих произведений Володина.

Володина не раз попрекали «чудесами», которыми он не скупился одарить своих золушек. На самом деле единственным чудом его пьес была любовь. Любовь осталась, но силу чуда она утратила.

Мужчина между двух любящих его женщин — тема вечная, а для володинского пера особенно благодарная. Но на этот раз Бузыкин занимает место героя не только в фабуле — он на самом

деле главное действующее лицо этой, увы, весьма тривиальной истории, где виноватых нет, а несчастливы все.

В этой печальной повести Володин не изменяет комедийной природе своего дарования — публика всегда много смеялась даже на самых драматических из его пьес. Сценарий основан на приеме чисто кинематографического «остранения»: каждое утро за Бузыкиным заходит Билл Флетчер, английский профессор, чтобы вместе совершить утреннюю пробежку. «Человеку со стороны» невдомек семейные драмы и человеческие проблемы Бузыкина. Некстати бодрая утренняя зарядка становится образом всей жизни Бузыкина: безнадежной попытки всюду поспеть и все уладить, когда ничего не улаживается и уладиться не может. В марафон без финиша.

Ни преданная жена, ни своенравная любовница не могут совершить того единственного чуда любви, которое решает жизнь. Женщины — такие разные, но одинаково полные жизни, ее страстей и интересов, не озарены больше тем светом ожидания, той готовностью к счастью, луч которой падал прежде на любую с нелегкой жизнью учетчицу или телеграфисточку. Они стали будничны; надежда — пусть даже зряшная — отлетела от них.

Разумеется, это связано с Бузыкиным — с тем человеческим типом, который он олицетворяет. Не с его жесткостью, деловитостью, прагматизмом, как это часто бывает в современных пьесах и сценариях, а, напротив, с его добротой.

«Театр Володина» одни называли пессимистическим, другие же, напротив, называют добрым или — негативно — сентиментальным, хотя «хэппи энды» его пьес весьма относительны. Он никогда не награждал своих персонажей комфортабельным устройством или житейской удачей, скорее, наоборот. Но он давал раскрыться и блеснуть человеческому в них; он подсматривал мгновение идеального в нелепой жизни своих добрых и неудачливых героев.

Бузыкин так же, по-володински, добр, житейски беспомощен, хотя его знания и талант обеспечили ему вполне уважаемое положение известного переводчика и преподавателя в высшем учебном заведении. Недаром к нему на стажировку приехал профессор-славист Билл Флетчер. Но доброта и талантливость вечно ставят его в дурацкое положение. Деликатность не позволяет ему послать к чертям оптимиста Билла с его утренней гимнастикой; порядочность — бросить жену; уступчивость — оставить любовницу. Терпимость составляет основу его отношения к детям. Люди понахрапистей чувствуют это и пользуются этим. Сосед по дому — хамло и пьяница — запросто может заставить Бузыкина вместе с Биллом надраться среди бела дня (для выпивки нужна компания) и вытащить их на дурацкую прогулку за

город. Истеричка и бездарь Варвара на правах старой дружбы может принудить Бузыкина сделать за нее перевод, а потом, пользуясь его же благодеянием, перехватить у него договор в издательстве. Эти персонажи, как и все чересчур волевые, напористые, всегда готовые вмешаться в чужую судьбу герои пьес Володина, — единственные, к кому он метко и едко беспощаден. Даже когда Бузыкин восстает против хамства и пытается проявить характер, все равно ему же приходится расхлебывать неприятности, и, выручая Билла из вытрезвителя, он фатально опаздывает проводить собственную дочь, надолго улетающую на север...

Читатель, конечно, сочувствует герою, выбивающемуся из сил в своем безнадежном марафоне, но, странным образом, бузыкинская доброта для-себя так или иначе оборачивается злом для-других, и та метаморфоза, которая совершилась с характерами Нины Евлампиевны и Аллы, — она не случайна. Изменилось время — стало много трезвее. Изменилась соответственно и драма — пришли Вампилов, Петрушевская. Изменился и Володин. «Осенний марафон», в сущности, — злая история о добром человеке. Думал об этом автор или нет, — это критический взгляд в сторону самого себя. Он уже не предоставляет своему герою того момента истины, не пробивает будни той молнией идеального, которая могла совершить человеческое чудо.

Оттрубили серебряные пионерские горны ранних володинских пьес, и самые добрые и взаимно вежливые люди наносят друг другу ущерб. Собственно, это было новой темой Володина уже в сценарии «Дочки-матери». И там Ольга — прямая наследница героини «Пяти вечеров» — при всех ее прекрасных человеческих качествах оказывалась, увы, не столь трогательна уже и могла очень и очень неловко влезть в чужую жизнь. И там люди жить стали сложнее, путаннее, но сами-то оказались будничнее, проще — более усталыми, чем бедное и гордое население прежних володинских пьес.

Это особенно заметно на фоне возобновленных кинематографом «Пяти вечеров». Психологическая насыщенность всех без исключения персонажей, «благодарность» их для актеров зависела от несовпадения текста и подтекстов, формы выражения и сути, человеческих возможностей и фактов биографии, внешней замкнутости и внутренней подвижности характеров. В «Осеннем марафоне» нет этой сложности, потому что нет этого несовпадения, и, хотя всем неудобно и все сердятся, никто ничего не в силах изменить.

В сценарии очень мало подтекстов — даже вранье откровенно и очевидно и самые неожиданные, отчасти эксцентрические пово-

роты сюжета странным образом открывают все тот же легко обозримый душевный пейзаж. Не то, чтобы актерам предлагалась более простая задача — она может быть и потруднее, — но прежней психологической сложности, обеспеченной напряжением между «положительным» по содержанию и «отрицательным» по форме общим стремлением к идеалу здесь нет.

«Осенний марафон» — удивительно володинская вещь, но лишь в том смысле, что автор остается верен самому себе, меняясь вместе со временем. «Tempora mutantur et nos mutamur in illis» — говорили древние.

— А что природа делает без нас? Вопрос.
Бузыкин диктовал. Алла стучала на машинке с профессиональной быстротой.

— Кому тогда блистает снежный наст? Вопрос.
Кого пугает оголтелый гром? Вопрос.
Кого кромешно угнетает туча? Вопрос.
Зачем воде качать пустой паром.
И падать для чего звезде падучей?
Ни для чего? На всякий случай?..

Алла смотрела на него.

— Что ты?— спросил Бузыкин.

— Как бы я хотела, чтобы у нас был ребеночек!— сказала она.

— Зачем!

— Он был бы такой же талантливый, как ты...

— Это не я талантливый, это они. А я только перевожу.

— Он бы тебя веселил, мы бы вместе тебя ждали...

— Алла, я свою жизнь переменить не могу.

— И не надо. Тебя это не будет касаться.

— Нет, Алла. Нет и нет.

У нее были на редкость крупные глаза. Они придавали ее облику трагическую миловидность.

По двору среди недавно поставленных домов и недавно посаженных деревьев шел человек с яркой спортивной сумкой. То, что он иностранец, чувствовалось, даже когда он молчал.

Бузыкин в трикотажном тренировочном костюме дремал, сидя на стуле.

Звякнул дверной колокольчик. Бузыкин открыл дверь, радушно улыбаясь. Иностранец сиял утренней свежестью.

— Монин!

— Монин!— бодро откликнулся Бузыкин.

— Вы готов?
— Готов! Секундочку, доложусь жене.
Заглянул к Нине. Она была еще в постели.
— Нина, мы побежали.
— Господи, когда это кончится! Полчаса могла еще поспать.

Они бежали по улице. Бузыкин вслед за Биллом. Тот громко бросал советы через плечо, что привлекало внимание прохожих.

— Ту степс ин! Фор степс аут!

Бузыкин чувствовал себя неловко. Кроме того, ему хотелось спать. Кроме того, в его жизни сейчас было столько неприятностей, что обретение спортивной формы ничего не решало.

Из машбюро, где рабочий день еще не начался, Алла набрала телефонный номер.

Нина сняла трубку.

— Алло!.. Слушаю. Ну что вы там молчите и дышите? Мяукнули хотя бы.

Положила трубку, сказала Бузыкину:

— В следующий раз бери трубку сам.

Бузыкин, Билл и Нина пили чай.

Билл. Это как называется?

Нина (лучезарно улыбаясь). Хворост.

Бузыкин (радостно улыбаясь). Хво-рост.

Билл. Очень вкусно.

Бузыкин. Нина, прекрасная кулинарка.

Нина. Не напрягайся, дорогой.

Билл. Простите, очень быстро, плохо понимаю.

Нина (улыбаясь). Это я не вам.

Бузыкин (улыбаясь). Это она мне... Билл, рассудите, почему, если кто-то где-то молчит и дышит, то это звонят именно мне?

Билл. Простите, как?

Бузыкин. Я говорю...

Нина. Может быть, мы без Билла разберемся?

Билл. Простите?

Бузыкин. Это она мне.

Нина. Это я ему.

Трудно выяснять отношения такого рода в присутствии иностранного гостя. Он может не так истолковать, сделать неверные выводы, увезти с собою за рубеж ложное впечатление.

Снова зазвонил телефон. Нина поставила аппарат перед мужем.

Бузыкин. Да?..

Это была Варвара Никитична.

— Бузыкин, срочно звони Алле. Она у себя в машбюро.

Бузыкин. К сожалению, сейчас не могу. Загружен работой.

Варвара. Слушай, Бузыкин, не валяй дурака. Ты у нее какую-то рукопись забыл. Она пыталась тебе об этом сообщить, твоя Нинка ее обхватила. Так что давай успокаивай.

Бузыкин. К сожалению, сейчас очень загружен работой.

Варвара. Ясно, Нинка там рядом. Ладно, я ей сама позвоню.

Бузыкин. Вот это не надо.

Варвара. Надо. Пока.

Бузыкин положил трубку.

— Веригин звонил из издательства...— Обратился к Флетчеру:— Все торопят, торопят. У вас в Англии тоже так?

Билл. Тоже так, да.

Нина. А тебе не показалось, что у него женский голос?

Бузыкин. У кого?

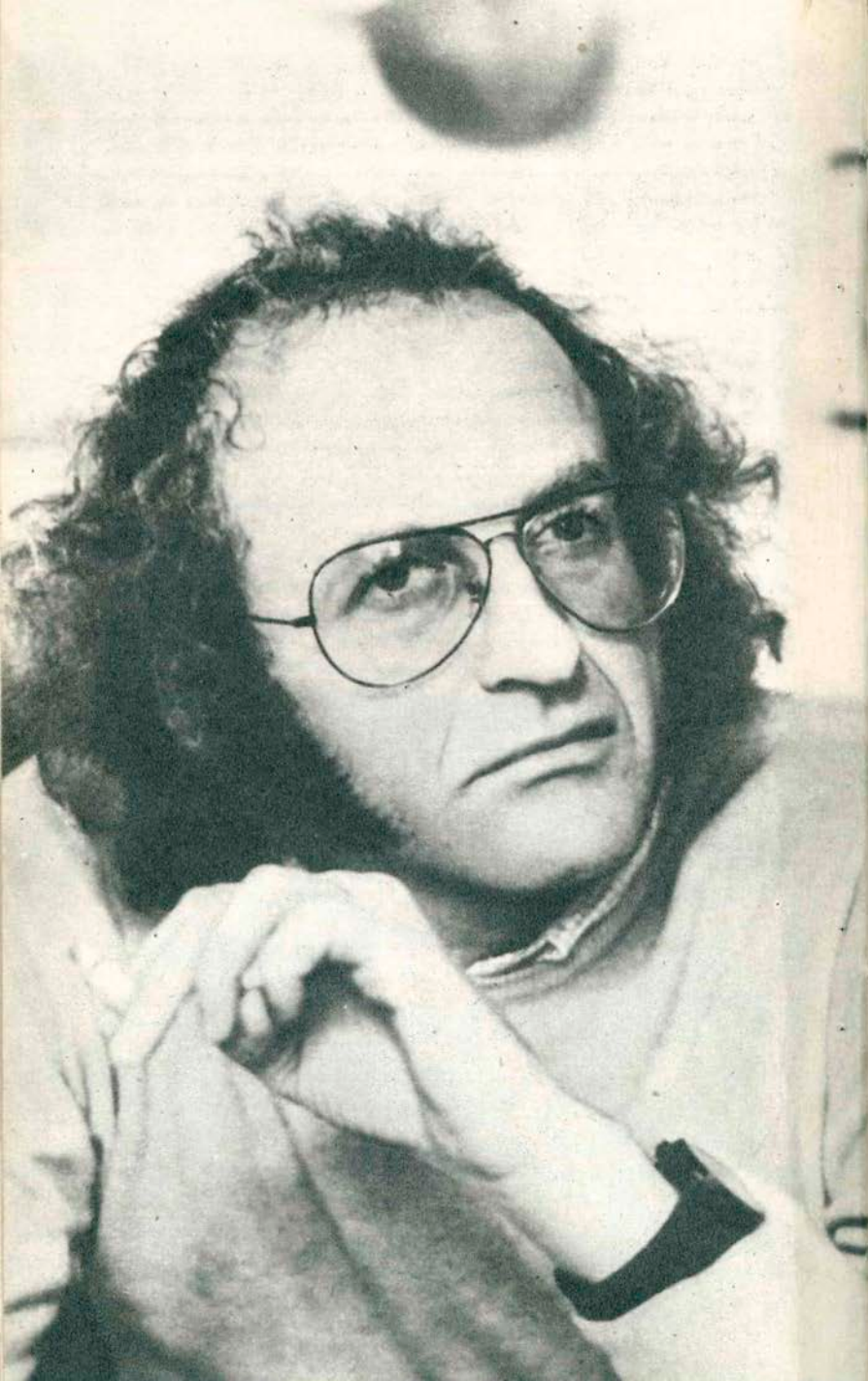
Нина. У Веригина.

Взгляд жены сделал его прозрачным.

Бузыкин. Он через секретаря разговаривал. Через секретаршу...

Билл. Очень вкусно. Это как называется?

Н и н а. Хво-рост. Извините, мне пора.

Вышла в прихожую.

Б и л л (тихо). Немножко сердится?.. Может быть, я лучше уйду? Или лучше остаюсь? Будет меньше скандал?

Б у з ы к и н. Плохо себя чувствует.

Нина показалась в пальто, весело улыбаясь.

— Мне пора на работу, Билл! Дальше вас будет развлекать Андрей.

Б у з ы к и н. Нина, если что-нибудь надо купить, скажи. У меня после института будет время.

Н и н а. Купи цветы. Секретарше.

Ушла.

Б у з ы к и н. Пошла на работу.

Б и л л. Может быть, у вас тоже есть дела? Может быть, я отнимаю время?

Бузыкин посмотрел на часы.

— Немного времени есть.

Взял с полки иноземную папку, раскрыл.

— Я прочитал. В принципе все правильно. Но русское просторечие лучше бы переводить также просторечием. Вот, скажем, здесь у Достоевского: «Да за кого ты себя считаешь, облизыня зеленая». У вас «грин манки» — обезьяна. Здесь же «облизыня» — сленг.

Снова зазвонил телефон.

— Прошу прощения. (Снял трубку.) Слушаю вас.

Это опять была Варвара.

— Бузыкин, она ненормальная.

Б у з ы к и н. Кто?

В а р в а р а. Наша Аллочка. Я ей сейчас попыталась все объяснить, причем очень деликатно. А она велела тебе передать, чтобы ты к ней больше не приходил. Бузыкин, что делать? Может, мне к ней подскочить?

Б у з ы к и н. Ни в коем случае. И вообще, кто тебя просил вмешиваться!

В а р в а р а. Ну, братцы, вы мне надоели. Я всю ночь работала, я хочу спать. Пока.

Б и л л. Я думал «облизыня» — это неправильная печать.

Б у з ы к и н. Нет, это правильная печать.

В его ручных часах заверещал звоночек.

— Извините, Билл, мне пора в институт.

Б и л л. Все. Я вас больше не задерживаю. Только еще один маленький вопрос.

Снова стал листать рукопись.

— Сейчас найду...

Бузыкин бежал по улице. Короткими перебежками, чтобы не бросалась в глаза его унизительная поспешность.

Свернул в институтский двор.

Устремился вверх по лестнице. Но в коридоре остановился. Навстречу ему шел Шершавников. Добродушный, непринужденный, простой.

Бузыкин свернул в первую попавшуюся дверь. Это была читальня. Там занимался его приятель Евдокимов. Бузыкин прильнул к дверной щели.

— Что там?— спросил Евдокимов.

— Шершавников.

— Ну и что?

— Не хочу подавать руки этой скотине.

— А что случилось?

— Знаешь, что он сделал? Он Лобанова завалил, Куликова протолкнул, и тем самым Васильков стал замзав кафедрой.

Тут он отпрянул от двери.

В читальню вошел Шершавников.

— Здравствуйте,— сказал он.

— Добрый день, Владимир Николаич,— ответил Евдокимов.

Шершавников протянул руку Бузыкину. Тот уставился на протянутую руку оцепенело.

— Здорово, Бузыкин!— окликнул его Шершавников.

Он так приветлив, обаятелен и открыт, что не подать ему руки невозможно.

Рукопожатие было крепким.

Наконец он смог дозвониться на работу к Алле.

— Это машбюро?— кричал в трубку Бузыкин.— Мне Аллу, пожалуйста!

В машбюро звякали каретки, стучали клавиши машинок. Девушка в пулеметном их клетке кричала в ответ:

— А ее нет! Ей плохо стало, ее с работы отпустили!

Алла лежала на тахте. Она была бледна и непричесана.

Бузыкин. Что с тобой? Что случилось?

Алла. Ничего особенного, просто сердце закололо.

Бузыкин. Надо же к врачу!

Алла. Была.

Бузыкин. Что он сказал?

Алла. Сказал — полежать.

Бузыкин. Что тебе наговорила Варвара?

Алла. Ничего нового. Что у вас дружная семья, что вы жи-

вете душа в душу сто пятьдесят лет, что ты не хочешь ее расстраивать... Я и сама все прекрасно знаю. Но когда говорит чужой человек — это страшно. Ты-то веришь, что мне от тебя ничего не нужно? Только бы видеть тебя иногда.

Бузыкин. Нашла кого слушать! Надо было трубку бросить.

Алла. Ну да! Она говорит, говорит, а меня всю колотит, и вот до сих пор.

Алла не хотела обвинять в чем-либо Бузыкина. Но не собиралась и скрывать свои обиды. И Бузыкин чувствовал себя виноватым.

Он присел на стул возле Аллы, в позе лечащего врача. Но тут в его часах задребезжал звонок.

Алла (слабо усмехнулась). Домой пора?

Бузыкин. Да нет же, дела. В издательство вызывают, Веригин. Я сбегаю? И через часок у тебя.

Алла. Беги...

В издательстве разговор мог оказаться долгим. Поэтому, чтобы сэкономить на дороге, он бежал. Возле автобусной остановки задержался, оглянулся — автобуса не было видно. Он побежал дальше.

Редактор издательства Веригин был добродушен и приветлив.
— Хорошо, Андрей Палыч. Как всегда, хорошо. Всем понравилось. Обсудили, отзывы только положительные, по существу, без замечаний. Надо бы отдавать в набор.

— Я рад,— смущаясь, проговорил Бузыкин.

В официальных местах Бузыкин всегда чувствовал себя неловко и потому старался держаться посвободней. Но тогда выходило, что он ведет себя развязно. От этого он чувствовал себя еще более натянуто.

— Но разговор у нас будет печальный,— сказал Веригин.

Бузыкин встревожился.

— А что такое?

— Срывается у нас это дело.

— Как — срывается?!

— Да этот Саймон, оказывается, выступил там с какой-то расистской статьей. Прогрессивная общественность возмущается. А мы, получается, переводим его, рекламируем?

— Вот это да. Год работы. И что же, все коту под хвост?

— Ну кто же мог предвидеть!

— Это верно, это верно,— бормотал Бузыкин.— А может быть, как-нибудь обойдется?

— Милый мой! Ну как обойдется? Пока, во всяком случае, пускай полежит. А там видно будет.

— Понятно, понятно...

— Андрей Палыч, ты так уж не расстраивайся. У тебя «Разбитая луна» в каком состоянии?

— В каком? В разбитом.

— Как это — в разбитом. Вот у меня записано: «Бузыкин. Десятое». А сегодня какое? Четвертое. Через неделю чтобы перевод был на столе. Мы ее пустим вместо этого Саймона.

— Это мне не успеть.

— Ну хорошо. Тринадцатого сдашь? Тринадцатое — крайний срок.

— Не знаю. Придется ночью сидеть...

— Посиди, посиди. Для здоровья полезней, чем по бабам бегать. В нашем возрасте.

— По каким бабам?— заволновался Бузыкин.

— Ленинград — маленький город, Андрей Палыч...

Нина говорила негромко, прикрывая трубку, чтобы не слышал Билл.

— Слушай, это уже хамство. Он час уже тебя ждет, ты же обещал повести его по местам Достоевского!

— А, черт, совсем из головы вон. Бегу!— отвечал Бузыкин из автоматной будки.— Скажи, через десять минут буду.

— А ты где?

— Я же сказал, у меня кафедра.

— Ты говорил, что кафедра у тебя в пятницу.

— Нина, некогда, здесь уже стучат.

— Где стучат, на кафедре?

— Ладно, приду домой, все объясню...

Пошел — побежал, пошел — побежал.

Через арку ворот, по лестнице.

Алла по-прежнему лежала в постели, но была уже причесана.

Бузыкин выложил перед ней яблоки.

— Вот яблоки, вот валокордин. Как ты себя чувствуешь?

— Уже ничего.

— Тогда я побежал.

— А поесть?

Тут он заметил, что стол накрыт.

— Я же старалась... Правда, что было в холодильнике, я же не могла выйти.

— Да. Да. Сейчас.

Бузыкин сел за стол, стал проворно есть.

— А твоя дочка на кого похожа?— спросила Алла.— На тебя или на Эн Е?

— Ни на кого. Бросила институт, моет стекла в магазинах...

— А ты разве не помогаешь им?

— Да муж у нее такой же обормот, не велит брать, хотя жить самостоятельно. Пытаюсь наладить контакт — ничего не получается.

— А вот если бы у нас был ребеночек, он бы тебя уважал, я бы уж его воспитала...

— Алла, меня ждет Билл.

— Ничего с ним не случится.

В разговорах с ним все почему-то легко находили точные и убедительные формулировки. Бузыкин понимал их несостоятельность, но быстро найти убедительные возражения не умел.

Постучали в дверь.

— Входите, дядя Коля!— крикнула Алла.

Вошел сосед. Достойной поведкой он внушал уважение. Бузыкин встал.

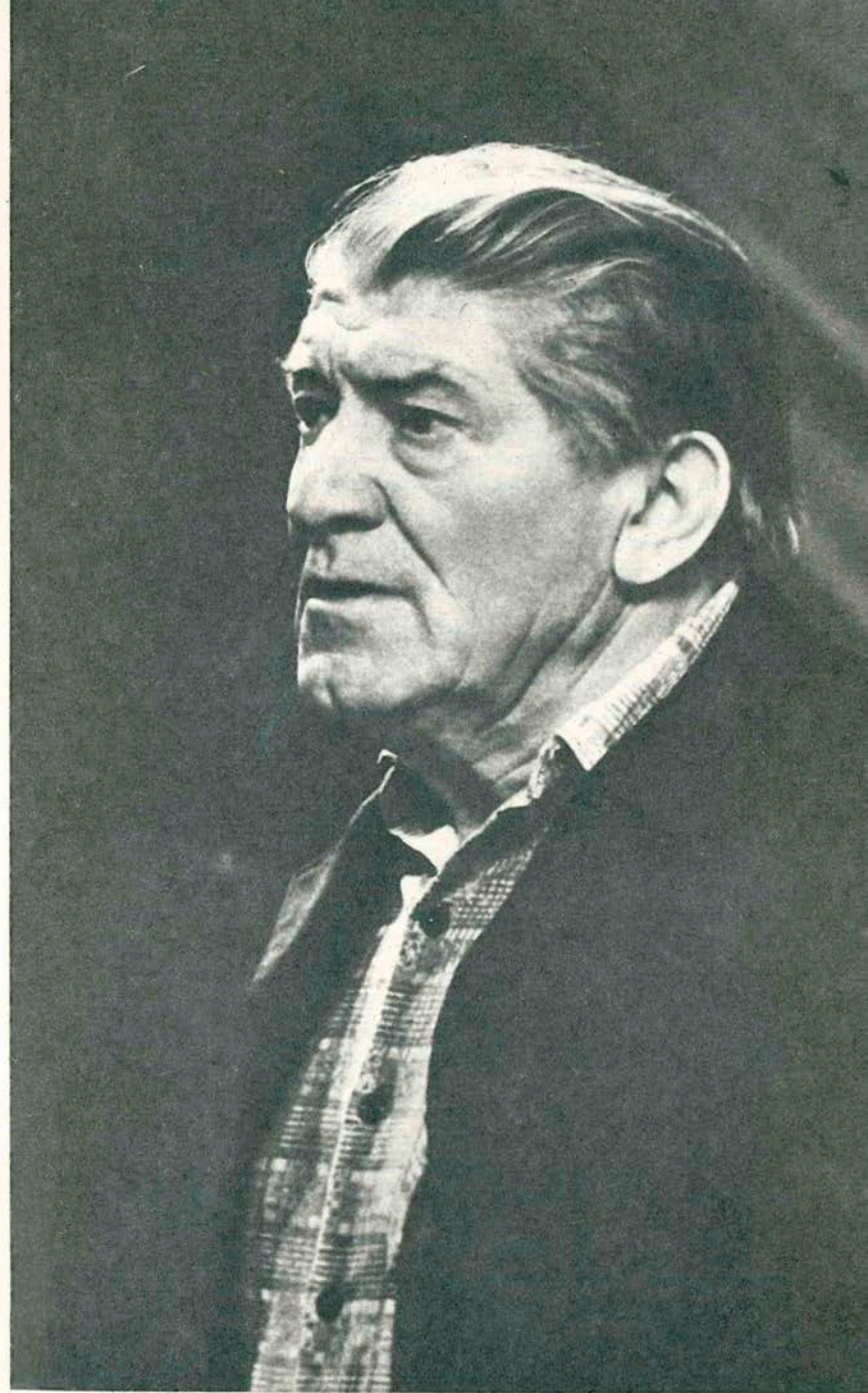
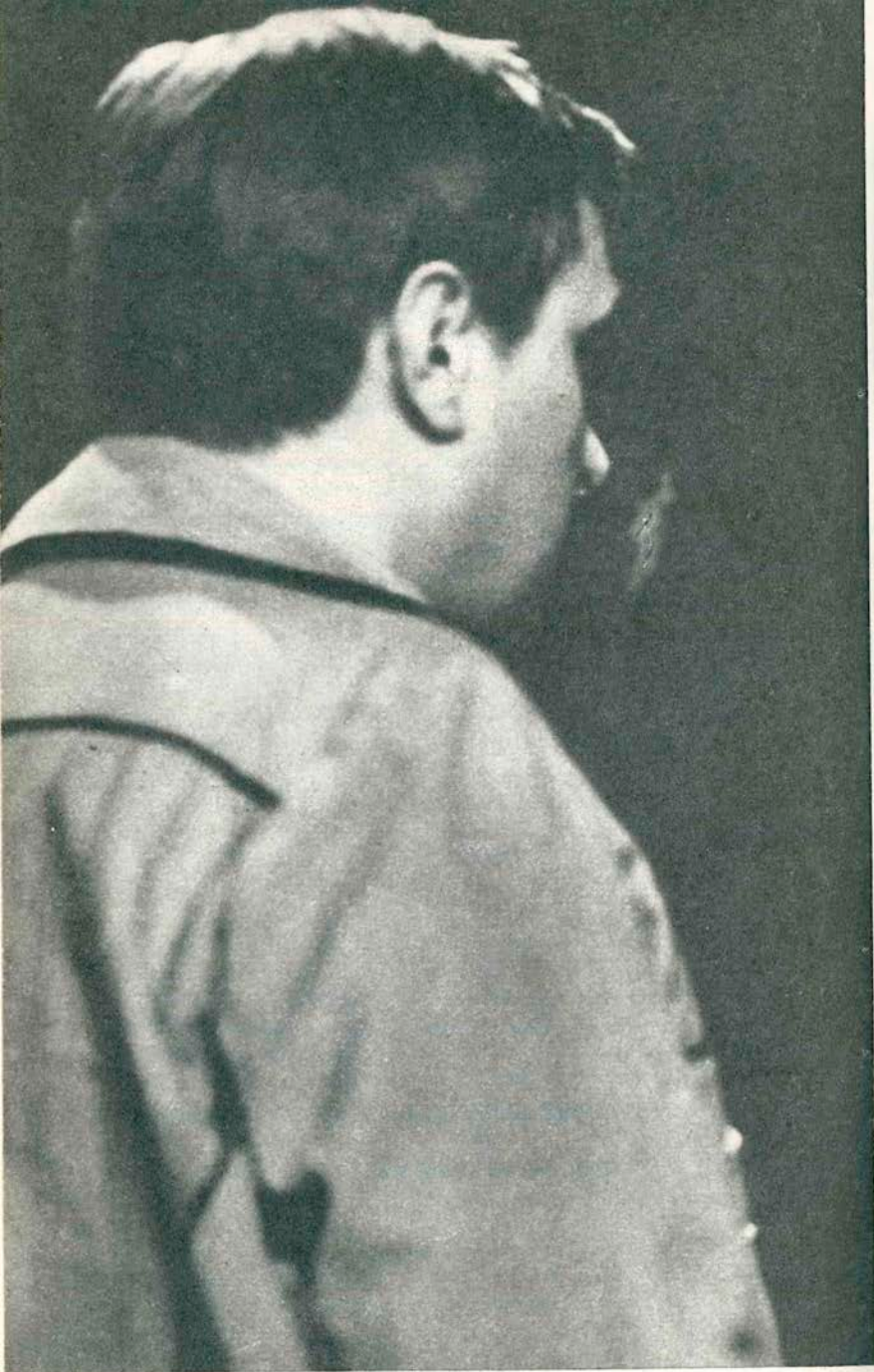
— Сидите, сидите, Андрей Павлович. Ну, как ты, болящая?— спросил дядя Коля.

— Уже поправилась, дядя Коля.

— Вот до чего себя довела. Все нервы.

Бузыкин виновато покачал головой.

— Дядя Коля, Андрей Павлович торопится, его английский

профессор ждет. Андрей Павлович в порядке культурного обмена помогает ему переводить Достоевского на свой язык.

— Сейчас пойдет... Я чего пришёл-то. Андрей Павлович, я хочу, чтобы вы знали. Мы с ее отцом были корешами. И вот его нет, а я остался. Так?

— Конечно, дядя Коля!— подтвердила Алла.

— Так вот, может быть, я забегаю вперед, тогда простите, что касаюсь этой темы. Но ведь рано или поздно, я думаю, вы как-то оформите ваши отношения?..

— Дядя Коля, зачем это?!

Дядя Коля смутился.

— Андрей Павлович, может быть, я лишнее говорю?

Засмутился и Бузыкин.

— Почему же лишнее...

— Разве я стал бы вмешиваться? Тут каждый себе хозяин.

— Дядя Коля, я же прошу!

— Погоди, Алла, я к делу веду. Так вот, я думал, думал...

Когда решитесь, оформите ваши отношения — я уеду в деревню, и моя комната в вашем распоряжении. И вот, у вас будет отдельная квартира.

— Ну, зачем это,— проговорил Бузыкин.

— Что за бредовая идея!— воскликнула Алла.

— Я сказал.

Волевые люди подавляли Бузыкина. Они не слышат объяснений. Они выстроили в своем представлении такой определенный образ мира, нарушить который может только катастрофа.

Дядя Коля поднялся и пошел. У двери остановился.

— Вы уж берегите ее. А то ведь все сказывается. Вот результат...

И ушел.

— Андрюша, поверь, я тут ни при чем!— взмолилась Алла.—

Он же думает, что... Он же не знает, что ты у нас семейный!

— Я понимаю...

Посидели молча.

— Ну, беги,— сказала Алла.

— Да. Побежал...

— Подожди, сядь. Пять секунд.

Бузыкин присел. Она взяла его за руку, подержала.

— Теперь можешь бежать.

Когда он был уже у двери, снова остановила:

— Андрюша,ними пиджак, пожалуйста.

— Зачем?

— Я прошу.

Он снял.

— Закрой глаза.

Он закрыл.

Она тихонько встала, вынула из шкафа синюю куртку, накинула на него.

— Покажись-ка... Как раз. Нравится?

— Нравится.

— Ко дню рождения тебе купила — вот, не вытерпела.

— Зачем?! Просил же тебя на тратиться на это!

— А я хочу, чтобы ты у меня модный был. Вот, в ней и беги.

Бузыкин замялся.

— Пусть она пока здесь побудет, ладно? А то приду, что скажу?

Он снял куртку, снова надел пиджак.

Алла снова легла, отвернулась к стене.

— Ты обиделась?

— Я же понимаю: там все можно, здесь ничего нельзя. Иди, иди!

Бузыкин сел на стул, скрестил руки на груди, вытянул ноги.

— А ну его! Не пойду.

— Но ведь неудобно! Раз тебя ждут. Тебе перед всеми неудобно. Кроме меня.

— Что я, не имею права с больным человеком посидеть?

— Не знаю я твоих прав! Уходи!

— Только позвоню, чтоб не волновались.

— Тогда уж потише, чтобы дядя Коля не слышал.

Бузыкин вышел в коридор к телефону. На кухне у плиты стоял дядя Коля.

— Ты что, в туалет? Иди, не стесняйся.

Бузыкин зашел в туалет, постоял, вышел.

— Хочешь вымыть руки? Там полотенце чистое висит.

Вымыл руки, вернулся в комнату.

— Позвонил?— спросила Алла.

— Да.

Ночной Ленинград был тих. Поплескивала Нева. Вот камни на бережной начали светлеть.

Бузыкин проснулся. Он лежал в постели с Аллой. Посмотрел на часы, ахнул. Стал вытаскивать руку из-под ее головы. Алла недовольно помычала.

— Спи, спи,— шептал он.

Бузыкин бежал по сумрачным еще предрассветным улицам с подаренной курткой в руке.

Бежал по утреннему городу с подаренной курткой на плече. Мимо, распуская веера воды, ехала поливальная машина. Он замахал шоферу. Машина вобрала в себя струи воды, остановилась.

Бузыкин подбежал, поговорил с водителем, залез в кабину. Машина развернулась, поехала в обратную сторону.

Бузыкин бежал с подаренной курткой по двору.

В дом вошел тихо, прикрыв за собой дверь. Огляделся, поднял крышку пианино, стал запихивать куртку.

— Андрей!

Жена стояла у двери балкона, смотрела на него. Она, видимо, не спала ночь. Ждала его. Бузыкин был беззащитен и виден ей насквозь.

Он вытащил куртку обратно, крышка захлопнулась, инструмент музыкально загудел.

— Это Евдокимова куртка... Ему мала, я подумал, может, Виктору подойдет?

— Где ты был?

— Я? У Евдокимова. У него был день рождения, я хотел тебе сообщить, почему-то не соединяли, а потом развели мосты... Прости меня.

Нина стояла у окна, спиной к нему.

— Иди спать, я тебе на диване постелила.

— А куртку я в пианино положу, — предложил Бузыкин. — Лена с Виктором придут, начнут играть — звука нет. Что такое! Будет им сюрприз.

— Никому я не нужна, — проговорила Нина не оборачиваясь.

— Что?

— Никому!

— Нина! Ну, пошел мужик на день рождения к институтскому приятелю. Что такого!

— Как это страшно, когда ты никому не нужна!

— Ты мне нужна. Ты на работе нужна. Ты Леночке нужна. Ты всем нужна!

— И Леночке я не нужна. Купила им занавески, а они меня прогнали, говорят, у них свой вкус. Я всем мешаю. Я всем только мешаю!

Тогда Бузыкин сказал:

— Нина, я не был у Евдокимова.

Жена обернулась к нему. Она ждала. Сейчас он скажет правду.

— А где?..

— Это стыдно, мне трудно выговорить...

— Говори, мужик... Теперь трудно — зато потом будет легче всем.

Бузыкин молчал. Жена смотрела на него в слезах.

— Я был в вытрезвителе.

Нина показала на куртку.

— А это... Что, там выдавали?

— Я же сказал, это Евдокимов привез...

Нина протянула руку за курткой.

— Можно?

— Конечно!

Она брезгливо повертела ее, бросила на пол, наступила ногой, уцепилась за рукав и рванула. Рукав затрещал. Взялась за другой рукав, стала отрывать и его. Подняла куртку и вышвырнула в окно.

— Вот так, вот...

Комната дочери. Матрас на полу, гитара, запасное колесо к мотоциклу.

— А почему я должна вешать в комнате то, что мне не нравится! — возмущалась дочь.

— А потому, что нельзя быть эгоисткой! — возмущался отец. — Нельзя только брать! Надо что-то и отдавать!

— А я как раз не беру, а отдаю. На!

Она сунула отцу свернутые занавески.

— Лена, перестань дурачиться. Сейчас же повесь занавески

и вернись в институт! Неужели тебе не жалко мать? Посмотри, до чего ты ее довела! Это уж, не знаю, садизм какой-то!

— А может быть, это не я ее довела?— сказала дочь.

— Что ты имеешь в виду?..

— Да мне к вам приходиться неохота! У вас там нежилая атмосфера! Отрицательные биотоки носятся!..

Бузыкин стоял в телефонной будке.

— Алла, я сегодня не смогу прийти.

— Почему?

— Тут такие дела...

— Приходи после дел.

— Будет поздно. Я тебе завтра позвоню, тут уже стучат...

Билл бежал гордо, гарцуя, как цирковой конь. За ним тянулся Бузыкин. Прохожие провожали их взглядами.

— Темп, Андрей! Темп!— покрикивал через плечо профессор.

— Пошел к черту,— бормотал Бузыкин.

Нина, войдя в прихожую, замерла. Все было загромождено стульями. Билл работал на углу столика, на кухне.

— Здравствуйте, Билл! Что происходит?

— Маленький рас-ка-даш!

Она прошла в комнату. Мебель была сдвинута, шторы сорваны с окон, книги свалены на тахту. Бузыкин стоял на стремянке, оклеивал стену газетами.

Нина села на стул, не понимая еще, чем это ей грозит.

— Решил переклеить обои,— сказал Бузыкин.— А то слишком мрачно. Посмотри там. Других не было.

Ничем это не грозило ей. Наоборот...

— Эти?— спросила она.

— Да.

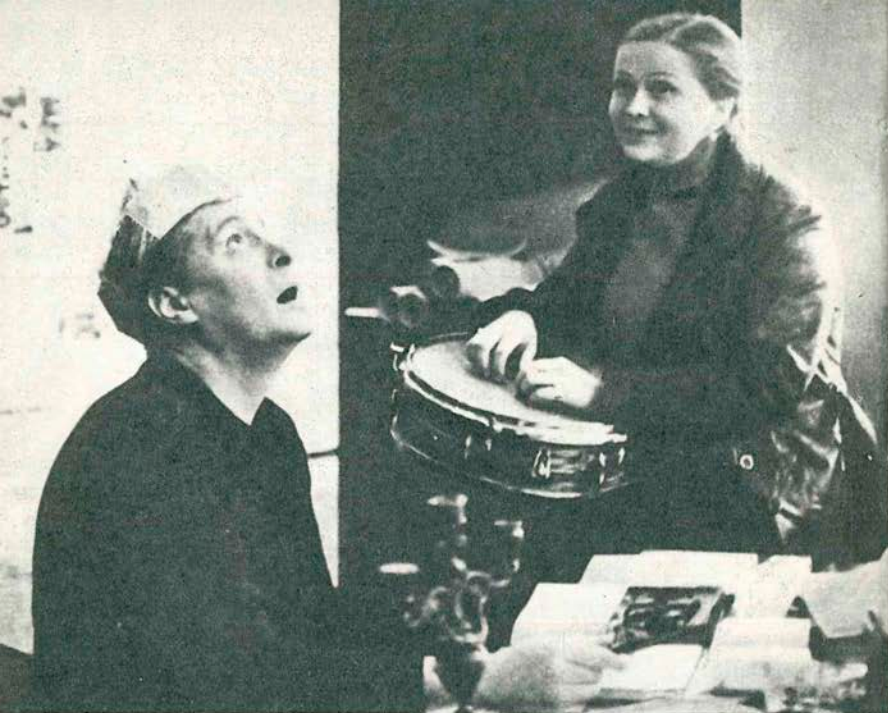
— Красивые...

Смотрела на мужа благодарно.

Бузыкин проводил занятия. Хмуро смотрел в листок студенческой работы.

«— Ну что ты на меня так смотришь, дружище? Думаешь, мне легко, парень?— малодушно сказал он Смити и потом бегал от него и убегал...». Извините, Лифанов, но это подстрочник, а не перевод.

— Почему это подстрочник?— обиделся Лифанов.

— Вот, скажем, у вас тут написано «убегал». И рядом — «бегал». Неужели так трудно поискать что-нибудь еще? Прошу вас,— обратился он к студентам,— припомните родственные слова.

— Мчаться,— предложила студентка.

— Припуститься.

— Носиться.

— Удирать.

— Улепетывать.

— Драпать.

— Драпать. Допустим. Как именно драпать? Лифанов.

— Ну... быстро. Не знаю.

— Кто больше?

— Во весь мах.

— Во всю прыть.

— Во весь дух. Во весь опор.

— Еще?

— Дунуть, дернуть.

— Унести ноги. Дать стрекача.

— Опрометью. Без оглядки. Сломая голову...

Бузыкин глянул в окно — у ворот стояла Алла.

Лицо его сразу утратило волевой склад.

На институтском дворе было тихо. Осень перекатывалась по деревьям.

Студентки стояли у стены, как подсолнухи обратив золотые головки к солнцу.

Он подошел к воротам.

— Алла?

— Да, Алла. Ты здоров?

— Здоров.

— Ты меня бросил?

— Понимаешь, так сразу все навалилось — и институт, и перевод мой, и Билл...

— Но хоть позвонить ты мог? Всю неделю, как привязанная, сижу у телефона. В магазин боюсь выйти, вдруг ты позвонишь!..

Рядом остановилась машина Шершавникова.

— Здорово, Бузыкин! — крикнул он.

Бузыкин поздоровался.

— Могу подвезти. Вам куда?

— Спасибо, не надо.

Шершавников оглядел Аллу.

— Наша? Что-то никогда не видел.

— Чужая, — сказала Алла.

— А то могу. Вам в какую сторону?

— В другую, — сказала она.

Шершавников подмигнул Бузыкину и уехал.

Алла протянула руку:

— Прощай, Андрюша.

Он хотел было задержать ее, но она вырвала руку и пошла прочь.

— Алла, подожди, дай же мне сказать!

— Не надо, Андрюша. Ты — как тот хозяин, который жалел собаку. И отрубал ей хвост по кусочку. Это больно...

Бузыкин смотрел ей вслед.

— Андрей Павлович!

Бузыкин обернулся. За ним стоял Лифанов.

— Помните, в прошлом году вы мне поставили незачет?

— Да, помню.

— А теперь мне стипендию не дают. А ведь то было в прошлом году, а не дают в этом. Они говорят, если вы поставите, тогда дадут. А я вам сдам, вы только поставьте!

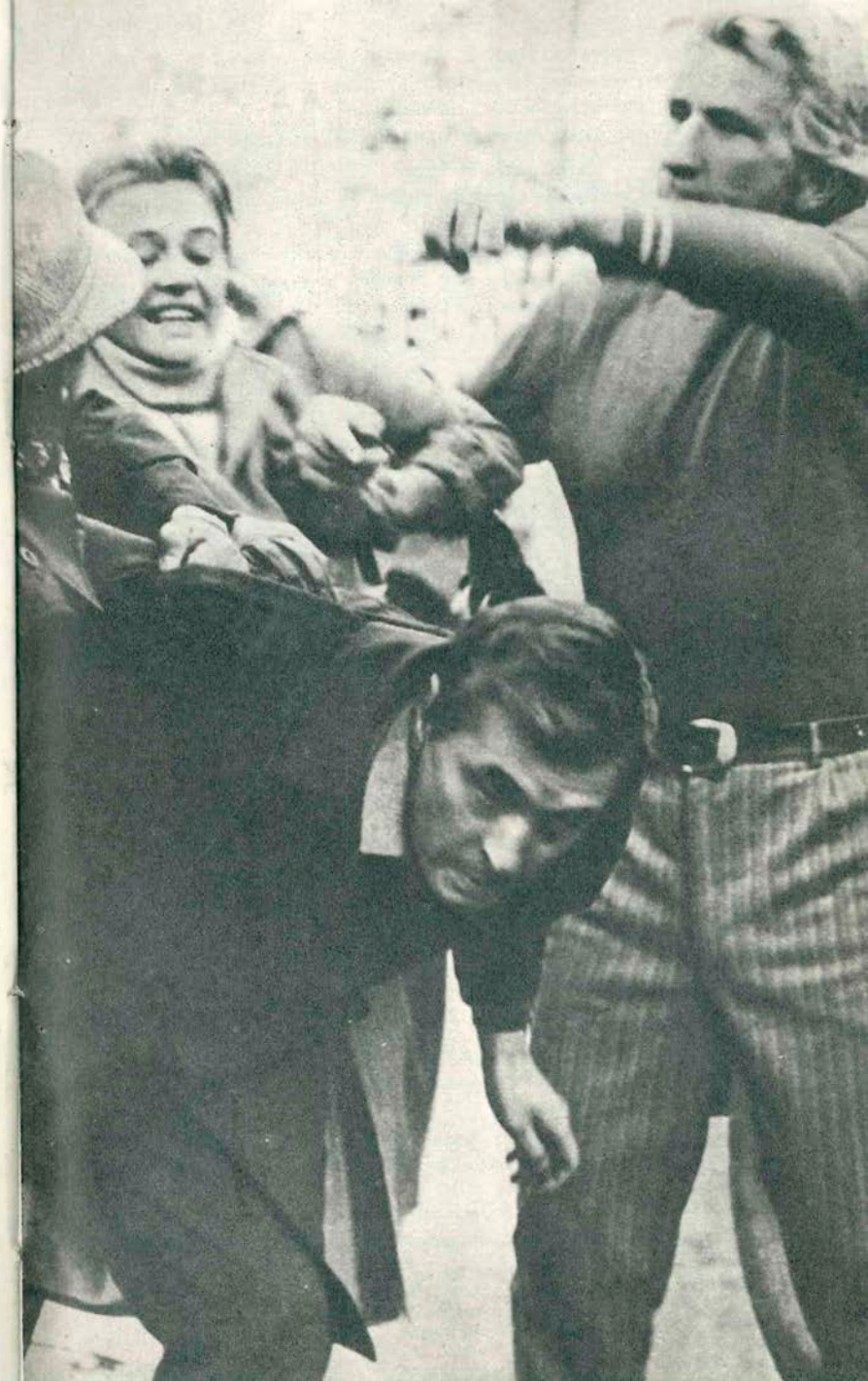
Он положил раскрытую зачетку на портфель, протянул ручку.

Бузыкин подписал и ринулся за Аллой.

Алла услышала позади визг тормозов, оглянулась.

Бузыкин стоял на мостовой перед микроавтобусом. Он потрогал рукой голову, посмотрел на руку — нет ли крови.

Водитель выскочил из кабины, завопил:
— Ты что, водохлеб слепой, не видишь, куда идешь?
— Простите, пожалуйста, я загляделся.
— Что с тобой?— подбегая, спросила Алла.— Он тебя задавил?
— Да нет, я сам... Алла, ты пойми меня. Я все это время думал и понял. Ведь, кроме страданий, я тебе ничего не приношу. Только ломаю тебе жизнь!
— Потом, Андрюша, потом. Покажи-ка... Не тошнит? Потряси головой.
Бузыкин потряс.
— Не больно?
— Нет.
Водитель, который тем временем осматривал дверцу машины, подошел к ним.
— А ну-ка ты. Смотри что натворил.
Алла отстранила Бузыкина.
— Что там у вас?
— А вот — вмятина. Теперь выправлять, красить. Гони червонец.
— Вот нахал!— возмутилась Алла.— Задавил человека, и еще деньги требует! Да я сейчас милицию позову!
— А вы, девушка, топайте отсюда, пока по хлебальнику не схлопотали,— сказал водитель.
Тут Бузыкин неумело, но сильно ударил его кулаком в грудь. И Алла ударила его кулаком в грудь.
На некоторое время все оторопели. Уже появились и зрители — женщины, маленький человек в шляпе.
Первым опомнился водитель.
— Так,— сказал он с удовлетворением.— Значит, ты меня первый ударил. Это хорошо.
Он стал снимать спецовку, пошел на Бузыкина.
Алла уперлась ладонками ему в подбородок, отталкивая.
— Отойди, девушка!— рычал водитель.
— Не надо,— просила Алла.— Он ненарочно.
— Отойди, Алла,— попросил Бузыкин.
Тогда Алла закричала, обращаясь к зрителям:
— Товарищи, помогите! Он человека задавил, а теперь еще избивает!
Маленький в шляпе подскочил к Бузыкину, ловко заломил ему руку за спину, пригнул к земле.
— Да не этого! Вот этого!— закричала Алла.
— Так этот же стукнул.
— А задавил-то этот. Что вы руки ломаете, вам же говорят!
— Тот, тот, я видела,— включилась женщина.— Ездят, как ненормальные.

Человек в шляпе отпустил Бузыкина, кинулся на водителя, тем же приемом скрутил руки.

— Есть! Зовите милицию, гражданка.

— А ну его, пусть гуляет. Пойдем, Андрюша.

Варвара стояла в пальто с телефонной трубкой в руке, говорила потерянно:

— Не удивляйся, Бузыкин, я догадалась, где ты. Будешь смеяться — у меня опять не приняли. Сказали — не соответствует стилистике. Мне худо, Бузыкин, приезжай!

Бузыкин. Извини, Варя, но сейчас — никак.

Варвара. Ну, попозже.

Бузыкин. И попозже никак.

Варвара. Ну, все. Тогда я пропала.

Бросила трубку.

Бузыкин вернулся в комнату Аллы.

Алла. Что она от тебя хочет?

Бузыкин. Просит, чтобы я ей помог, что-то там у нее не получается.

Алла. А ты?

Бузыкин. Сказал, что не могу, занят.

Алла. И правильно. Хочет, чтобы ты всю жизнь на нее ишачил?

Стояла перед ним в позе манекенщицы.

— Хорошо?

Бузыкин. Что — хорошо?

Алла. Наблюдательный ты мой! Я же себе новую юбку сшила! Ну, где ты еще найдешь себе такую? И шьет, и готовит, и печатает!

Бузыкин. И изводит.

Алла. И любит! И спасает!

На руке Бузыкина заверещали часы.

— Все? Твое время истекло?

— В жэк надо забежать, пристаю, чтобы я им лекцию прочитал.

Алла промолчала.

Бузыкин. Никуда не пойду.

Алла. Подари мне этот твой... будильник.

Бузыкин. Пожалуйста.

Алла. Вот. А теперь я спрячу его так далеко, чтобы никто никогда не услышал этого проклятого верещания!

Шли в кино, шагали не торопясь по выгнутому мостику над каналом. Давно уже Бузыкин не прогуливался так, никуда не торопясь.

Здесь повстречался им, прошел мимо молодой человек интеллигентного вида. Алла окликнула его.

— Женя!.. Это же Пташук! Идите сюда!

Он вернулся.

— Вы что не здороваетесь, Женя?

— Здравствуйте. Я вас не видел, — смутился Пташук.

Алла. Видели, видели, прямо в глаза смотрели. Это Женя Пташук. А это Андрей Павлович. Помните, я вам его стихи читала! Я им на даче твои стихи читала.

Бузыкин. Я же тебя просил. Это не мои стихи. Это переводы.

Алла. Какая разница. Слова все равно твои.

Пташук. Очень приятно.

Алла. Ну ладно, идите.

Он постоял, глядя на Бузыкина внимательно, пошел дальше.

Алла. Андрюша, а почему ты мою куртку не носишь?

Бузыкин. Что я буду трепать ее на работу. Такая хорошая вещь.

Алла. А ты трепи. Чаше будешь меня вспоминать. Чтобы завтра надел!

Бузыкин. Ладно...

Алла. А знаешь, почему он с нами не поздоровался?

Бузыкин. Почему?

Алла. По-моему, он в меня влюблен. Два раза звонил, в театр приглашал.

Бузыкин. А ты?

Алла. А я не пошла.

Бузыкин. Почему?

Алла. Потому что я однолюбка. К сожалению...

Потом ели мороженое в фойе кинотеатра.

— Обиделась,— сказал Бузыкин.

— Кто?

— Варя. И на что она только живет — не представляю. Напечатает один рассказик за год. И то с трудом.

— С твоим.

— Шла бы в Интурист, что ли, гидом...

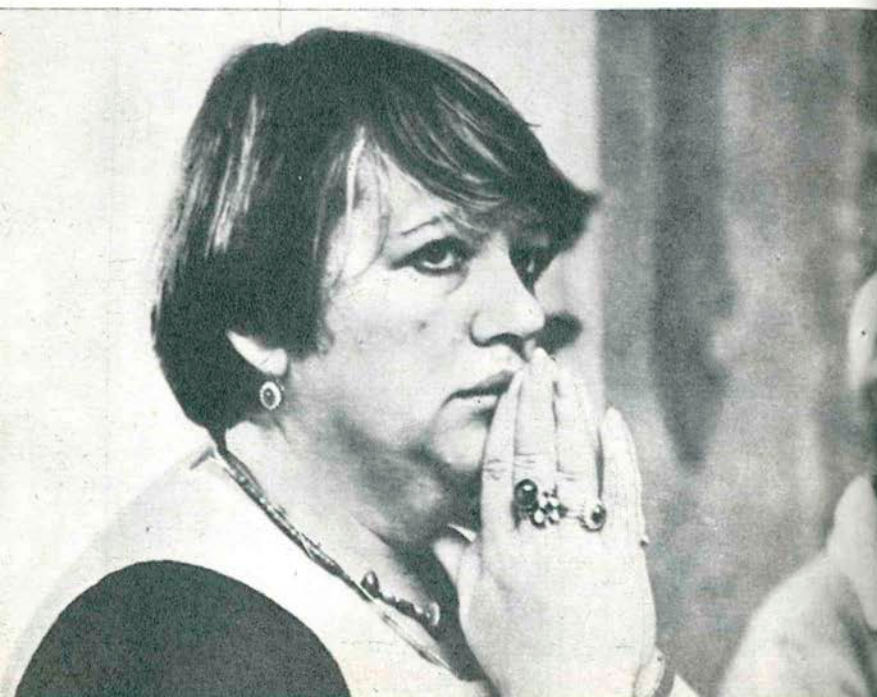
— Андрей, если ты собираешься весь вечер так терзаться, так лучше иди уж к ней.

— Что же, я тебя одну здесь брошу?

— Ну и что. Я не ребенок.

— Нет, не пойду.

— Иди, иди!

— Хотя на часок-то можно было бы и сбежать... А знаешь что? Сделаем так. Я сейчас быстренько смотаюсь, переведу ей там несколько фраз, а как кончится сеанс, я буду ждать тебя у выхода. Если отсюда — правый угол. Договорились?

— Договорились...

Еще угнетенный неловкостью перед Аллой, но уже озабоченный предстоящим объяснением с Варварой, он то трусил перебежками, то припускался стремглав.

Варвара сидела на тахте, беспокойно следила за Бузыкиным.

Он черкал и правил работу.

— Очень плохо, да?

— Да нет, не очень.

— Но ты же все вычеркиваешь?

— Не все. Но какие-то вещи я не могу оставить. Ну, вот: «Коза кричала нечеловеческим голосом».

— А каким?..

— А никаким. Просто кричала.

— Андрей, скажи честно, может быть, я просто бездарная, а?

— Почему бездарная. Просто в этот раз не очень получилось. Со мной, думаешь, не бывает?

— А как по-твоему: чьи переводы лучше — мои или Шитовой?
— Какое сравнение! — успокоил ее Бузыкин.
Варвара повеселела.
— Хочешь рюмашку?
— Нет.
— А я люблю так работать. Допинг.
Налила себе, выпила.
Зазвонил телефон. Варвара взяла трубку.
Невезенье в работе не мешало ей носить на руках дорогостоящие перстни.
— Да?.. Одну минутку.
Перенесла аппарат в другую комнату.
— Аллочка? А он уже ушел домой. Давно, часов в одиннадцать.
Вернулась, поставила телефон, заглянула через плечо Бузыкина.
— Ты что, очумел? Опять сначала пошел, да? Зачем?!
— А потому что не получается. Все равно никуда не годится.
— Тебе не годится, а мне годится. Слушай, уже половина первого, а мы десяти страниц еще не сделали.
— Как половина первого?
— А так, без двадцати.
— Все, погиб. Пускаю пузыри. Где пиджак? Был пиджак. Вот он... Меня же Алла у кинотеатра ждет!
— Успокойся, не ждет. Это она сейчас звонила. Я ей сказала, что ты ушел домой.
— Зачем?!
— А потому что мне жалко эту дурочку. Вот так мой Володька меня муржил до сорока лет. И что? Кому я теперь нужна? Бузыкин бросился к телефону, набрал номер.
— Ну вот, никто не подходит... Алла! Когда ты звонила, я был здесь! Я и сейчас здесь! Ты же забрала у меня часы!
Алла. Слушай, Андрей Павлович! Врал бы в одном месте. А то и там и тут...
Повесила трубку.

Бузыкин добежал до моста к тому времени, когда крыло его со спичинками фонарей уже вздымалось вертикально.

Подняв воротник пиджака, он сиротливо бродил между легковыми и грузовыми машинами, которые беспомощным стадом стояли на площади.

Темные баржи двигались по Неве почти незаметно, но быстро — от Литейного моста в одну сторону, от Дворцового моста — в другую.

Зашел в телефонную будку.
— Нина, это я. Я был у Варвары, а сейчас развели мосты...
Послышались короткие гудки.
Крыло моста стало опускаться. Фонари постепенно принимали обычное положение, зафырчали моторы машин.
Едва убрали шлагбаум, Бузыкин первым ринулся через мост.

Небритый, бледный после бессонной ночи, Бузыкин вошел в разгромленную квартиру. Повесил пиджак на вешалку, побрел к себе. Ему было постелено на диване. Снял ботинок, когда позвонили в дверь. Так, с ботинком в руке пошел открывать.

На лестничной площадке, по-утреннему свежий, стоял Билл.

— Монин!

— Монин!

— Вы готов?

— Готов.

Бежали обычным маршрутом. Англичанин бежал сегодня как никогда спортивно. Бузыкин едва поспевал за ним.

— Темп, Андрей! Темп! Темп!

— Пошел к черту, — бормотал Бузыкин.

Сосед в куртке, которую Бузыкину подарила Алла, звонил в дверь.

Бузыкин работал за своим столом в сумбуре начатого ремонта. Положил ручку, тяжело поднялся, побрел к двери.

Открыл соседу.

— Четверг! — напомнил тот, входя.

— Проходи, — в некотором замешательстве пригласил его Бузыкин. — У нас тут небольшой раскардаш...

— Ремонт затеяли?

На кухне, за столиком, работал Билл.

— Знакомьтесь, — сказал Бузыкин. — Это профессор из Англии. А это наш сосед Василий Игнатьич.

— Зовите меня просто Билл, — сказал англичанин.

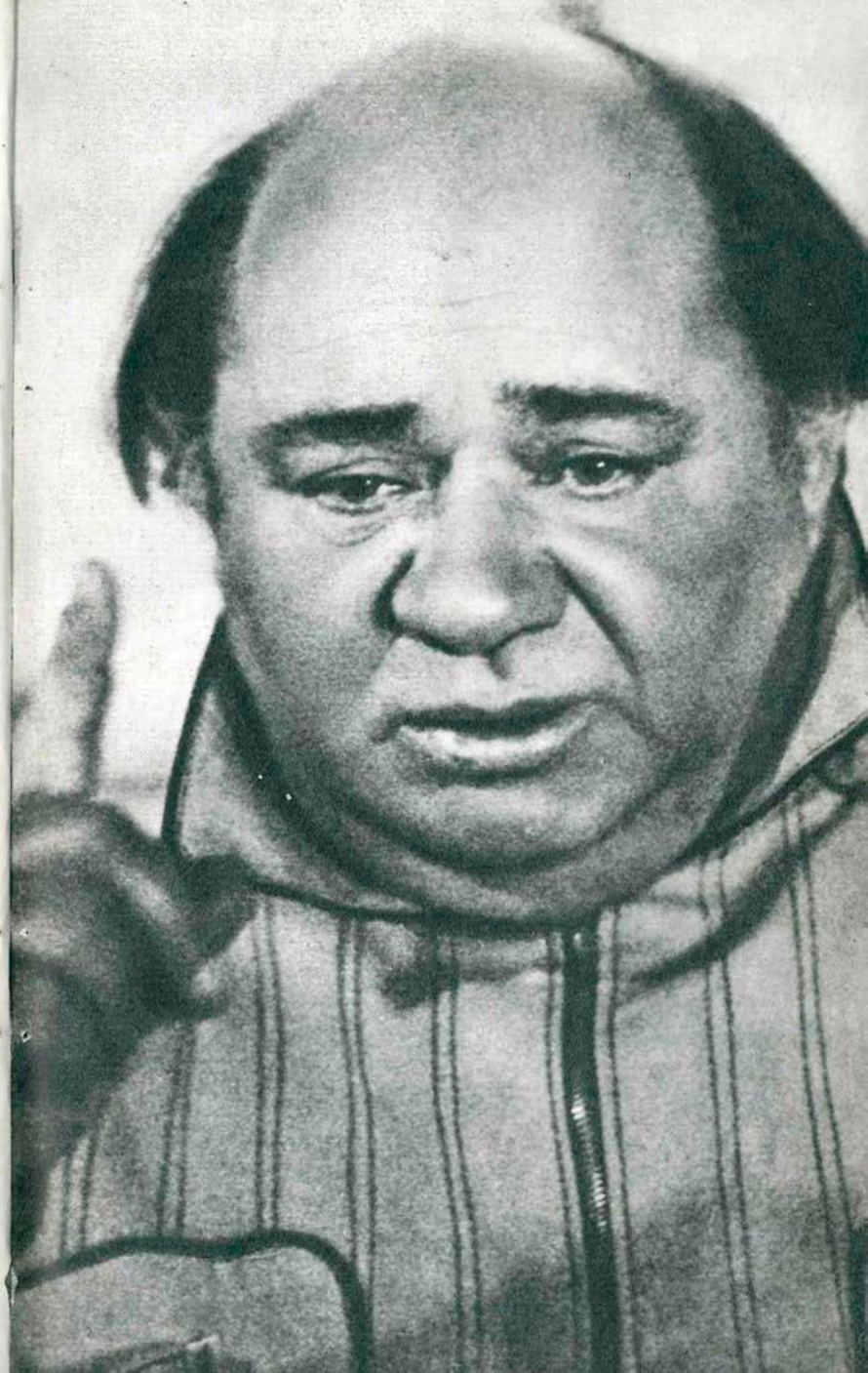
— Вот, Василий Игнатьич, сидим, трудимся, — сказал Бузыкин. Сосед сел на диван и посмотрел на него снизу вверх, но так, словно смотрел на него сверху вниз.

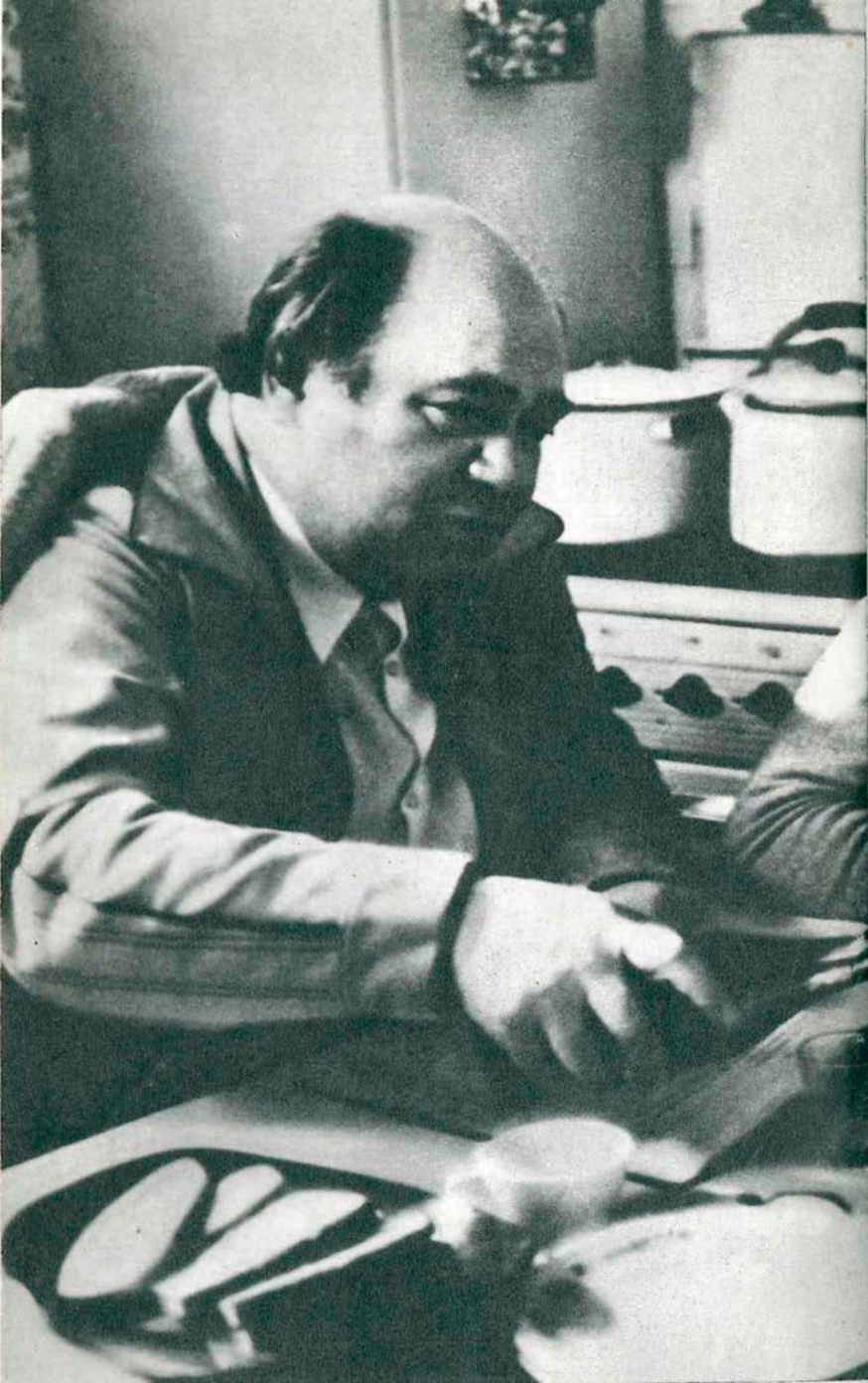
— Он по-русски понимает?

— Еще не совсем, — повинился Флетчер.

— Прибыли в Советский Союз? — громко, как глухого, спросил сосед.

— Прибыл, да.
Бузыкин приглядывался к синей куртке.
— Надолго?— спросил сосед.
— Надолго, да. Скоро уезжаю.
— А у меня свободный день. В субботу работаем, в четверг гуляем.
— Василий Игнатьич, ты где эту куртку купил?— спросил Бузыкин.
— Нашел! Во дворе валялась! Вот, Билл, у вас такие заграничные куртки на улицу выкидывают?
— Нет. Это чистый хлопок. Это очень дорого.
— А у нас выкинули. Рукав тут чуть отпоролся — и сразу выкинули.
— Василий Игнатьич, продай мне эту куртку,— попросил Бузыкин.— Она тебе мала.
— Извини, Палыч, не могу. Я бы так отдал, да только жена уже видела, подумает, что пропил... Ну, что же мы так сидим? Знакомство надо отметить. Вы уберите бумаги, запачкаем.
Он достал поллитра, поставил на письменный стол.
— Василий Игнатьич, мы пас, у нас работа,— сказал Бузыкин.
— Работе не помешает,— возразил сосед.— Русская водка, им она нравится.
— Нет, Василий Игнатьич, давай на следующий четверг,— сказал Бузыкин.
— Обижаетесь, Палыч!— возразил сосед.
Достал из холодильника сыр, масло.
— Сам время тянешь. Рюмки.
Бузыкин поставил рюмки. Сосед разлил, обратился к Биллу:
— Мир, дружба! (Выпил.)
Бузыкин. Мир, дружба. (Выпил.)
Билл. Мир, дружба.
Приподнял рюмку, поставил обратно.
Сосед. Палыч, а чего он не пьет?
Билл. Утром вино вредно.
Сосед. Да тут всего по сто пятьдесят. Чистая формальность.
Билл. Спасибо, нет.
Сосед. Палыч, он что, принцип держит?
Билл. Мир, дружба. (Отпил из рюмки, поставил ее.)
Сосед. Тостуемый пьет до дна.
Билл. Не понял.
Сосед. Я за вас выпил — значит, вы тостуемый. Я до дна, и вы до дна, у нас такой порядок.
Бузыкин. Василий Игнатьич, ну что ты насел? Видишь, человек не в форме. Я же выпил? Нет, все народы мира должны с ним пить.

Сосед. Англичанин, я обижусь, понял?
 Билл выпил до дна.
 Помолчали.
 Сосед. Хорошо сидим.
 Снова налил рюмки.
 Бузыкин накрыл свою рукой:
 — Стоп. Больше не будем, нам работать.
 Сосед. Так ведь нóлито уже!
 Бузыкин. Нет, нет. Все! Я работать.
 Сосед. Не обратно же выливать! Что он про нас подумает?
 Палыч, что мы, крохоборы?
 Бузыкин. Ладно, Василий Игнатьич, не будем конфликтовать из-за ерунды. (Отпил.) Но уже последняя.
 Сосед. Тостующий пьет до дна.
 Бузыкин допил.
 Выпил и Билл.
 Сосед. А я сегодня, пока вы тут сидите, корзину грибов уже набрал. Ты, Палыч, все спишь, лентяй, съездил бы за грибами. Поллитра купил, стопку водки выпил, и один грибочек. И жена у тебя тоже не ходит за грибами. Плохо он воспитывает свою жену. Я тебе, Палыч, при госте говорю.
 Зазвонил телефон. Бузыкин встал. Сосед продолжал, обращаясь к Биллу:
 — У вас там за рубежом леса грибные есть? Ходите?
 Билл. За рубежом грибных лесов нет.

Веригин устало говорил в трубку:
 — Что же, ладно, что поделаешь... Тогда уж можете не торопиться. Что-нибудь придумаем взамен. Только вот я теперь не знаю, как со Скофилдом быть? Ведь та же петрушка будет...
 — Нет! Скофилд — это мое! — вскричал Бузыкин. — Это я на коленях!
 Веригин. Не знаю, Андрей Павлыч, не знаю. Придется подумать.
 Бузыкин положил трубку.
 В комнату вошел сосед:
 — Довольно колготиться, собирайся.
 Бузыкин. Да подожди ты, честное слово...
 Зазвонил телефон.
 Бузыкин снова взял трубку.

Варвара сидела за столом. Перед ней лежала небольшая стопка листов, перепечатанных на машинке.

Варвара. Бузыкин, я перепечатала. Сейчас все получилось. Слушай. «Горестная жизнь плута». — Она переложила заглавный лист, стала читать взволнованно: — «Земля была замусоренная, уродливая. Консервные банки, клочья газет, мотки проволоки валялись на ней. Между черными покосившимися столбами были протянуты веревки, на них висело серое белье. Старик в белой одежде вглядывался в панораму давних человеческих бедствий...»

Она читала неторопливо, с невольным творческим волнением. Сейчас ей казалось, что все это ею выношено, выстрадано, создано.

Подошел сосед, надавил на рычаг телефона.

— Ну вот, разъединил. Я же по делу говорю! — рассвирепел Бузыкин.

— И я по делу. У тебя резиновые сапоги есть?

— Какие сапоги? Зачем?

— Идем по грибы.

— Какие грибы?

Бузыкин начал набирать номер, но сосед остановил его.

— погоди, Палыч. Человек жил, грибного леса не видел! Вернется, хоть будет что рассказать.

— Вы идите, а я не могу. У меня видишь что творится?
— Мы ненадолго, туда и обратно, всего и делов.
Появился несколько затуманенный выпитым Билл.
— Всего и делов,— сосредоточенно повторил он.
Они уже подружились. Они говорили на одном языке. Они предлагали войти в этот союз и Бузыкину. По-хорошему...

Они шли по лесу. Солнечные пятна струились по осенней листве. Сосед и англичанин были в ватниках и резиновых сапогах.

— Не тот лес,— веско сказал сосед.— На машинах понаехали, ханурики дешевые, все подмели.

— Что он сказал?— спросил Билл.

— Сленг,— пояснил Бузыкин.— Просторечие.

— Говорю тебе, Палыч, купи машину,— настаивал сосед.

— На какие шиши... Василий Игнатьич, поехали домой, ведь ясно уже, грибов нет.

— Сейчас поедем. Дай человеку с нашей природой ознакомиться. Нравится наша природа?— он спросил это несколько даже грозно.

— Нравится, да,— радостно откликнулся англичанин.

Натура Василия Игнатьича так и порывалась развернуться. Он приглядывался к Биллу.

— Хотели бы отдохнуть пару деньков на свежем воздухе?

— Хочу, да.

— Могу устроить. Есть знакомый в санатории. Главный врач. Туберкулезный санаторий. Но это не опасно. Врачи же работают, ничего. Так вам на когда?

— Сейчас очень занят. Лучше следующий приезд.

— Тогда вы через Палыча сообщите. А ты, Палыч, хочешь устрою?— без прежней уверенности спросил сосед.

— Не хочу.

— А зря,— успокоился тот.

Билл нашел гриб, показал.

— Гриб?

Сосед выкинул его.

— Поганка.

Они вышли на опушку. Дальше простиралось поле, речушка со старым мостом.

— Ну, все, лес кончился,— с облегчением сказал Бузыкин.— Поехали.

Сосед показал на голую пашню.

— Вот там роща будет, подосиновики должны быть, голову даю. Сейчас быстренько смотаемся и поедем.

Бузыкин остановился.

— Ну нет, вы как хотите, а я домой.

Сосед тоже остановился.

— Биль, ты хочешь домой?

— Не хочу.

— И я не хочу. Вот, Палыч, мы тебя не отпускаем.

— Что значит не отпускаем? Вы хотите собирать грибы? Вот и собирайте. А я не хочу, и все.

— Не хочешь — не собирай, так походи. Ты же в компании приехал?

Сосед зашагал дальше, через поле.

Билл за ним.

— Василий Игнатьич, погоди! Куда это вы пошли? Я же сказал, что не пойду, а вы даже не реагируете, как будто меня здесь нет.

— Вот что, Палыч, — не оборачиваясь, сказал сосед. — Пришел в компании и уйдешь в компании.

— Нет, постойте! — вскричал Бузыкин. — Вот вы, Василий Игнатьич, простой и цельный человек, вас голыми руками не возьмешь. И вы, Билл, тоже простой и цельный человек, вас тоже голыми руками не возьмешь. Так вот я тоже простой и цельный человек, меня тоже голыми руками не возьмешь! И прошу вас привыкнуть к этой мысли!

Он поставил свою корзину на землю.

— Счастливо оставаться!

Повернулся и пошел обратно.

— Очень быстро, я плохо понял, — сказал Билл.

— Это хмель в нем говорит, — объяснил сосед.

Бузыкин отпер дверь в квартиру Аллы.

В прихожей стоял дядя Коля. Он смотрел молча, странно.

— Ключ, — сказал он.

— Какой ключ?

— От моей квартиры.

— Пожалуйста...

— Спасибо.

Дядя Коля спрятал ключ в карман.

— Большое спасибо!.. — добавил он гневно.

Из комнаты Аллы слышался стук машинки.

— Что это с дядей Колей? — входя, спросил Бузыкин.

— Я ему все рассказала, — не переставая печатать, ответила Алла. — Секретов больше нет.

— Зачем?

— А затем, что врать надоело.

— Алла, когда ты позвонила Варваре, я действительно был у нее! Она тебе наврала, я не понимаю зачем! А потом я не мог тебе позвонить, потому что я ходил за грибами! Мы были в лесу!

— Врал бы в одном месте. А то и тут и там — хлопотно...

— Перестань хотя бы стучать, когда я с тобой разговариваю!

— Я работаю, Андрей Павлович. Иногда приходится подрабатывать.

— А я ведь тоже могу обидеться. И уйду. Что же дальше?

— Будешь спокойнo жить со своей Ниной Евлампиевной. А я выйду замуж.

— За кого?

— Хотя бы за Пташука.

— А что, он сделал тебе предложение?

— В данном случае это зависит от меня.

Она печатала. Молчали.

— Ну что же. Единственное, чего я хочу, — это чтобы ты была счастлива. Если тебе будет хорошо, я буду рад.

— Ты будешь рад?.. Уйди! Уходи отсюда, я не могу тебя больше видеть!

Он направился к двери.

— А все-таки, Алла, не надо принимать скоропалительных решений. Сейчас я очень устал, ничего не соображаю. Пойду выплусь, а завтра после работы я у тебя, и мы все решим окончательно.

Жена, дочка и ее муж Виктор сидели перед телевизором. Дочка. А вот и глава семьи. Папка, ты где пропадаешь? Бузыкин. За грибами ходил. Дочка. А где грибы? Бузыкин. Биллу оставил. Жена усмехнулась.

— Ах, и Билл там был с тобой?

Бузыкин. Да, и Билл.

На телевизионном экране человек в немецкой форме надел черные перчатки, посмотрел на часы.

Диктор. Отто Шлезингер знал, в его распоряжении осталось сорок минут.

Бузыкин. Он так сорок минут будет лежать?

Виктор. Нет, сейчас Ганс придет.

Нина. Андрей, они уезжают.

Бузыкин (глядя на экран). Куда?

Дочка. На остров Жохова. Это недалеко от Северного полюса.

Бузыкин. Что это они, шутят?

Нина. Нет, они не шутят.

Дочка. Там заболел гидролог, предложили Виктору. Всего на два года. Вернемся — ты еще не кончишь ремонт.

Бузыкин. Постой! Когда вы едете?

Дочка. Завтра.

Бузыкин. Завтра? Черт знает что!

Нина. Андрей, ты что, их отпускаешь?

Бузыкин. Нет, я вас не отпускаю.

Дочка. Папка! Милый! Мы уже договор подписали. Вот билеты.

Виктор. С деревянной ногой — это Ганс. Сейчас сейф вскрывать будут.

Дочка. Да подожди ты со своим Гансом. (Выключила телевизор). Сейчас мы вас запишем. Вы пойте, а я вас сфотографирую. Виктор, тащи вертушку.

Нина. Может, нам еще сплясать на радостях?

Виктор. Это же на память, Нина Евлампиевна. Мы всех записываем. А там будем слушать.

Дочка. Так, сядьте поближе. Виктор, включай. Пойте. Вспомните что-нибудь.

Бузыкин. «Что стоишь, качаясь, красная рябина...».

Нина вступила:

«Головой склоняясь
До самого тына...».

Господи, чушь какая-то!

Прижалась к мужу, заплакала.

Бузыкин лежал на диване. Поднялся, посмотрел на открытую дверь в комнату, где спала жена. Взял телефонный аппарат, понес его в ванную, запер дверь и открыл кран.

Алла спала.

Из коридора послышался телефонный звонок. Проснулась, босая побежала к телефону.

— Алла, это я. Я тебя разбудил?

— Неважно. Я слушаю.

— Завтра я не смогу к тебе прийти... Ты слышишь?

— Слышу.

— Тут такое дело. Лена с мужем улетают. Куда-то к черту на кулички.

— А почему они два часа назад никуда не улетали?
— Алла. Это долго объяснять, я тебе потом позвоню.
— Нет, дорогой, больше ты мне не позвонишь...
Она рванула трубку и со шнуром оторвала ее от аппарата.

Лил дождь. Жена Бузыкина под раскрытым зонтом стояла на дворе, кричала:

— Андрей!..

Бузыкин вышел на балкон.

— И миксер уложи, я забыла! Он на кухне, в нижнем ящике!

— Зачем миксер? Миксер-то им зачем?

— Давить соки! Витамины!

— Ладно...

Он вернулся на кухню, достал миксер, стал заталкивать его в картонную коробку.

Позвонили в дверь.

Открыл — перед дверью стоял Пташук.

— Здравствуйте, — смущаясь, сказал он. — Я к вам.

— Прошу.

— Я на секундочку. Вот, просили передать.

Пташук протянул ему бумажный пакетик. Бузыкин развернул — там были его часы.

— Спасибо, — сказал он. Положил их в карман. — Простите, мне собираться надо.

— Да, да... — Пташук мялся, не уходил. — Андрей Павлович, и еще. Алла Михайловна просила вам сказать, чтобы вы больше к ней не приходили. Такая нелепая миссия...

В дверь, мимо Пташука, протиснулся сосед. Он был подавлен, встревожен.

Когда Пташук, простившись, ушел, сосед спросил:

— Это кто?

Бузыкин. Пташук.

Сосед. Из милиции?

Бузыкин. Нет.

Сосед. Палыч, беда. Биля в вытрезвитель замели.

Бузыкин. Зачем?

Сосед. После грибов пообедали — пошли в гастроном. Не хватило. Опять сходили. А там дружинники. Я говорю им: это профессор! Из Англии! Они ржут. Он в ватнике, я ему ватник подарил...

Бузыкин. Где он сейчас?

Сосед. В пятом, у поликлиники... Я же их нормы не знаю, он хочет — беру, а то подумает, мы жмоты. Беги, Палыч, там до девяти.

Бузыкин. Сейчас не могу. Жена на работу пошла отпрашиваться, а я сейчас соберусь и в аэропорт. Вернусь — схожу.

Сосед. Я же тебе толкую, там в девять перерегистрация. Ему пятнадцать суток, а мне телегу на работу. Кто поил? Харитонов... И ты, — со значением добавил он.

Бузыкин. Ладно.

Сосед. Ну, я пошел. Там трубы привезли... Если про меня будут спрашивать — молчи. Только оденься, а то подумают, что ты тоже...

Бузыкин сидел перед столом дежурного милиционера. Тот спрашивал:

— Фамилия?

— Флетчер.

— Имя?

— Билл. Два эл.

— Отчество?

— Не знаю.

— Что же вы, свое отчество забыли?

— Это не мое, это его.

— А я вас спрашиваю. У него же нет документов, с кого я буду штраф брать?

Бузыкин, с трудом собравшись:

— Бузыкин, Андрей Павлович...

— Имя?

— Прошу вас, нельзя ли побыстрее, у меня дочь улетает...

Бузыкин под руку вел Билла по коридору гостиницы. Вид у англичанина был помятый, он в ватнике, ворот рубашки расстегнут, в руках резиновые сапоги.

Бузыкин (коридорной). Триста двадцатый, пожалуйста.

Коридорная. Его нет. Он и не ночевал сегодня.

Бузыкин. Это он.

Билл. Это я.

Коридорная. Не мутите голову, там иностранец живет.

Билл. Это я иностранец.

Бузыкин. Побыстрее, пожалуйста, я опаздываю.

Коридорная пригляделась.

— Не узнать... — Дала ключ.

Бузыкин быстро повел профессора в номер.

Билл. Там было много новых слов. Я запомнил.

Бузыкин. Хорошо, хорошо.

Билл рухнул на кровать.

— Я алкач, да?

Бузыкин. Алкач, алкач.

Билл. А ты — ходок.

Бузыкин. Ходок я, ходок.

Билл. Хорошо сидим...

По зданию аэропорта Бузыкин бежал с коробкой к справочному бюро.

— Товарищи, простите. Товарищи, простите, у меня самолет улетает. — Пробрислся к окошку. — На Норильск не улетел?

— Вон на Норильск. Летит.

Дождь все лил. Автобус ехал по шоссе, разбрызгивая воду. Бузыкин сидел рядом с Ниной, смотрел в окошко.

— Вот и остались мы одни.

— Не мы, а я.

— И я.

— Не надо, Андрюша. Ты, наверное, сейчас думаешь: раз Леночка уехала, значит, я теперь осталась одинокая, несчастная, и ты теперь обязан быть рядом, опекать... Наоборот! Я все это время унижалась, боролась за тебя только потому, что не хотела травмировать Лену. А теперь ты свободен! Живи как

хочешь! Если честно, мне даже лучше, чтобы ты ушел. Я тебя боюсь! Все время думаю: вот сейчас он что-нибудь соврет. Вот что-нибудь соврет!.. Ведь так можно с ума сойти. В конце концов я тоже буду свободна...

— Нина. Там у меня все. Было. Но теперь — все. Прости.

Не сразу она поверила. Не сразу даже поняла это. А когда поняла, слезы покатились по щекам.

Чтобы как-то объяснить это, укорила:

— Хотя сегодня-то, мог прийти бы вовремя... Леночка так тебя ждала! «Где отец? Где отец?..»

— Да меня в этом чертовом вытрезвителе промурыжили. Вспомнить бы ему, что вытрезвитель — тема опасная.

Жена поднялась.

— Выпусти меня.

— Постой! Я же не говорю, что я был в вытрезвителе! Это Билл был в вытрезвителе!

— Товарищ водитель, прошу вас, остановите машину!

— Товарищ водитель! — рванул за ней Бузыкин. — Не надо останавливать!

Автобус все же остановился. Она выскочила. Бузыкин за ней. Она увидела такси, подняла руку. Бузыкин схватил ее за руку.

Нина. Не трогай меня!

Бузыкин. Нина. Я был в вытрезвителе. Клянусь Леной.

Нина. Клянись Леночкой! Когда она сейчас там... в воздухе!

Стукнула его по физиономии — сильно, так, что у него мотнулась голова. И снова подняла руку.

Машина остановилась. Она села. Бузыкин остался один. Пошел к городу. На дороге валялась картонная коробка. Наподдал ее. Но тут же запрыгал на одной ноге. Вернулся, хромя, развернул коробку — в ней лежал кирпич.

В институте на лестнице стояла Варвара.

— Что с тобой? Бузыкин! Почему хромаешь?

— Так надо, — сказал он.

— Ну, Бузыкин, ты сейчас упадешь. Знаешь, что сказал Веригин? Что мои переводы стали лучше твоих.

— Поздравляю.

— А знаешь, почему я сюда притащилась?

— Ну.

— На Скофилда в плане ты стоял?

— Ну.

— Передали мне... Как ты к этому относишься?

Вот это Бузыкина подсекло. Это было несправедливо, нечестно.

но, глупо, нелепо, больно! И главное, если бы это произошло само по себе, без его участия, помимо него! Но нет, он сам все устроил, сам этого добился. Как дальновидный, но сумасшедший гроссмейстер тщательно готовил себе мат... Как он к этому относится?

— Отрицательно.

— Ну вот, так и знала!.. Бузыкин, совесть у тебя есть? Наконец мне дали серьезную работу! Что же мне — идти отказываться?

— А что же тебе от меня-то надо?— спросил Бузыкин.

— Я хочу, чтобы ты не считал, что с моей стороны это свинство.

— Ладно, это не свинство.

Он пошел дальше.

Варвара шла за ним.

— Тогда слушай, Бузыкин. Ты еще не начал? Может быть, у тебя есть какие-нибудь наброски? Я бы воспользовалась?

— Что?.. А полы помыть тебе не требуется? А то я вымою, ты только свисти!

Оставил ее, пошел дальше.

Теперь, однако, он шел совсем иначе. Он прихрамывал как

участник больших сражений. Он смотрел на встречных орлино. Он отвечал на приветствия приказным голосом.

Углядев в коридоре Шершавникова, который беседовал с пожилым профессором, Бузыкин направился к ним. Он почтительно поздоровался за руку с профессором. Шершавников рассеянно протянул ему руку:

— Здорово, Бузыкин!

— А вот вам я руки не подам,— сказал Бузыкин.

Шершавников не понял.

— Почему?

— Потому что вы мне глубоко антипатичны.

Лицо у Шершавникова затвердело.

— Не идет тебе это, Бузыкин. Не идет.

— И все-таки, Шершавников, прошу тебя на будущее. Не ставь себя в глупое положение.

Он попрощался за руку с профессором и сурово захромал в аудиторию.

Студенты занимались своими кропотливыми делами.

Бузыкин сел за стол, принялся проставлять зачеты. Зачетную книжку протянул и Лифанов.

— Андрей Павлович, у нас тут недоразумение произошло. Помните, вы поставили мне зачет?

— Ну, помню.

— Так число-то вы проставили этим годом, а надо было тем годом. И теперь мне стипендию все равно не дают. Ведь не сдал-то я за прошлый семестр!

Бузыкин поднял голову.

— Слушайте, Лифанов! В хартии переводчиков говорится, что перевод в современном мире должен способствовать лучшему пониманию между народами! А вы будете только разобщать! И прошу иметь в виду всех! Никаких поблажек не будет! Никаких!

Он ехал в «Запорожце». Евдокимов был за рулем.

Машина остановилась.

— Помочь?— спросил Евдокимов.

— Чего там, у меня две рубашки,— сказал Бузыкин.

Вошел в развороченную комнату. Сразу увидел лист бумаги, приколотый к стремянке.

Написано было красиво, фломастером:

«Андрей, я ушла. Освобождаю тебя от прощания с красивыми словами».

Он вышел на балкон, свернул записку в трубку, крикнул в нее как в рупор:

— Володя, тебе повезло, живи один! Она сама ушла!

Машина развернулась, уехала со двора.

Он вернулся в комнату. Решил передвинуть письменный стол, чтобы можно было ходить по комнате. Но стол был дряхловат, ножка подкосилась, книги рухнули на пол. Стал собирать — зазвонил телефон.

— Бузыкины! Вы когда-нибудь кончите базарить?

— Кто говорит?

— Снизу говорят!

— А в чем дело?

— А в том, что у нас тут люстра качается!

Чувство обиды и мести не оставило Бузыкина. Он взял чашку, приподнял ее и бросил на пол. Она звонко раскололась.

Снизу застучали в потолок.

Бузыкин стал искать, что бы еще швырнуть, но в это время вошел сосед, Василий Игнатьевич. Он был тих и вежлив.

— У тебя дверь настежь.

— Так надо.

— Билла отпустили?

— Отпустили.

— Обо мне треп был?

— Был.

— А чего?

— Ты портвейн с водкой мешал?

— А им какое дело?

— Значит, есть дело.

— Да там полбутылки и было всего,— оробел сосед.— Портвейна.

— Какая разница.

С лестничной площадки крикнули:

— Деда! Иди, тебя бабушка зовет.

Сосед совсем увял.

— Уже сообщили. Я говорю ему — пошли домой. А он — коктейль, коктейль. Хиппи лохматые. (Ушел).

Бузыкин перелез через диван, пошел в комнату жены, подалше от людей. Включил по пути телевизор, загремела музыка.

Тахта гола, постель убрана. Только подушка осталась. Просторно и свободно стало в доме. Он стал подплясывать под телевизионную музыку. В этом просторном и пустом мире можно было подплясывать как угодно, никто не увидит. Он посматривал на себя в зеркало. Ему хотелось быть сейчас еще более неуклюжим, бестолковым, загнанным, чем он был в жизни. Вы другие? Вы умные, деятельные, удачливые? Вам повезло. А он — вот такой. Просто подплясывает. Один. И судить некому.

Зазвонил телефон...

Он снял трубку.

— Андрюша, это я.

Это был голос Аллы. Робкий, виноватый. Это был голос преж-

ней жизни. Ответить значило отозваться на него. Он молчал. Но молчать было больше нельзя.

— Да,— сказал он.

— Ты мне звонил?

— Да,— не сразу ответил Бузыкин.

— Ты решил что-нибудь?

— Да...

— Правда?

— Да.

— А у нас тут аппарат сломался. Зато теперь починили, у меня стоит свой, в комнате. Вот, послушай!

Она поднесла трубку к телевизору. Не знала, что у него там — та же музыка. Все плохое уходило из ее жизни в прошлое. Больше не будет этой постылой спешки, отсюда — туда. Теперь покой, теперь счастье...

Бузыкин устало опустил трубку на колени.

Кто-то вошел в дом.

Это была Нина.

— Андрей, ты правду мне сказал?— спросила она.— Там действительно все кончено?

— Да.

Нина поставила чемодан, прислонилась к вешалке. Все обиды и унижения, годы обид и унижений становились прошлым. Устала она, устала. Но теперь, что бы ни предстояло им впереди, будет счастьем...

Из телефонной трубки Бузыкин услышал:

— Эй, где ты там?

Бузыкин поднял трубку к уху.

— Хорошо, записываю. Завтра в девятнадцать ноль-ноль кафедре.

Жена смотрела на него больным взглядом.

Алла сидела молча. В лице ее стали видны утомленные припухлости, приметы несбывшихся надежд.

Перед Бузыкиным появился Билл.

— Вы готов?

— Готов.

Они бежали по пустынной ночной улице. Бузыкин вслед за англичанином. Долго бежали, пока не исчезли.

Дорогой Шура!

Я хочу поделиться с тобой своими впечатлениями после того, как прочитал сценарий «Осенний марафон» и посмотрел фильм.

Теперь это все — и сценарий и лента — слилось в одну реку, в водах которой я провел взволновавшие меня полтора часа.

Тебе повезло с постановщиком, как, впрочем, и ему — с тобой, что случается в нашем кинематографе не слишком часто. Вы работали, как это принято говорить, на одной волне, и жажда постигнуть непостижимое была в вас обоих, видимо, одинакова.

Для меня твоя работа, как всегда, явилась еще одним подтверждением известной мысли, что задача художника была и остается единственной — рассказать о себе, поделиться с вами и впечатлениями о жизни. И Александр Сергеевич, и Михаил Юрьевич, и Лев Николаевич никаких других задач не имели, ибо, как сказал поэт, «все прочее — литература». Конечно, рассказчиков великое множество, но редко чьи исповеди вызывают в нас соучастие. Почему? Будем считать, что мы пока бессильны раскрыть эту тайну.

И вот я сталкиваюсь с твоими героями, я соучаствую, я слежу за сюжетом, смеюсь и плачу, а нет-нет и ловлю себя на мысли, что не только над ними я смеюсь, но и над собой, не только о них я плачу, но и о себе.

Как хорошо, что герои не позируют, что они раскованы, что их лихорадочность, скорее, не от авторского замысла, а от натуральной боли, оттого, что они люди.

Как хорошо, что этот маленький житейский случай, этот набивший оскомину «треугольник» вырастает в проблему любви. И уж какие они там ни маленькие, ни обычные, ни знаменитые, но ведь не бывает любви маленькой и большой — она одна! Не хочется становиться рецензентом и обсуждать взаимоотношения твоих героев: в конце концов, это их дело. Во всяком случае, ни один из них вовсе и не рассчитывает, что многочисленные житейские узлы благополучно развяжутся и наступит блаженство. Да ничего не развяжется, ибо тогда остановится жизнь или погаснет любовь. Они, конечно, этого не осознают, но это ощущают, и вот что сквозит в их поведении. Вечные странствия в поисках самих себя и Истины, которая каждому видится по-своему.

Как хорошо, что в твоём рассказе нет единоборства между правдой и правдоподобием, а есть собрание живых деталей,

искусно подтверждающих друг друга. Правда, сами по себе детали — предметы неодушевленные. Их еще нужно так соединить, чтобы возникло нечто движущееся, а еще лучше — парящее, чтобы оно меня возносило. Тебе это, по-моему, удается (прости за высокопарность).

И как хорошо, что в тебе не возникает желания быть судьей своим героям. Нелепо было бы лезть из кожи, чтобы всему дать оценку, что нужно, заклеить, а что поощрить. Мы ведь нынче на таком культурном и нравственном уровне, когда уже невозможно пользоваться схемами, размышляя о жизни. И мы уже понимаем, что эта жизнь сложнее нашего умения с легкостью в ней разбираться и ее классифицировать.

Я слышал от кого-то, что «володинская драматургия» несколько устарела, что она теперь уступает место драматургии более жесткой, взрывной... Ничто ничего ничему не уступает. Есть разные способы самовыражения. Художник рассказывает о себе. А кричит ли он при этом или повествует, не повышая голоса, неистовствует или посмеивается над самим собой — не имеет серьезного значения.

Опытные специалисты, я уверен, напишут об этом сценарии, как и полагается, по существу, с научной точностью, с академическим вдохновением и глубиной, с признанием твоих достижений и, конечно, с разоблачением твоих несовершенств. Я же пристрастен. Я просто поделился с тобой общими впечатлениями об «Осеннем марафоне».

Твой Булат Окуджава

Мне повезло

Как всякий актер, я мечтал в кино о такой роли, в которой мне бы удалось не только максимально реализовать свои актерские возможности, решить новые профессиональные задачи, но и высказать собственные мысли о жизни. Мне повезло. Режиссер Г. Данелия пригласил меня сниматься в фильме «Осенний марафон». Меня всегда привлекали пьесы и сценарии, написанные А. Володиным. У него не бывает самоповторов. Неожиданностью, свежестью мироощущения обрадовал меня и сценарий «Осенний марафон».

Кто же он такой, этот Андрей Павлович Бузыкин? Хороший переводчик, умный, добрый человек, волею обстоятельств обреченный совершать изнурительный марафон между двумя любящими его женщинами и окончательно запутавшийся не только в своих домашних, но и в профессиональных делах. И от всего этого глубоко несчастный. Но только ли по вине обстоятельств? Разумеется, нет. Атмосфера, в которой существует Андрей Павлович, вернее, которую он сам вокруг себя создает, — это атмосфера вынужденной и, как ему кажется, спасительной полуправды. Настоячивое желание никого не обидеть, не задеть, не причинить боль оборачивается тем, что он постоянно ее причиняет, и в первую очередь самым близким и дорогим ему людям. Существует в мировой литературе такая вековечная проблема: проблема принятия решения. Так вот Андрей Павлович как раз сеет вокруг себя нерешительность и компромиссность, заводящие его в тупик. Неумение сказать «нет», внутренняя бездейственность ведут к капитуляции перед жизнью. Ни с кем, по сути дела, не вступая в конфликт в мире внешнем, Андрей Павлович все время несет конфликт в себе самом, ежеминутно подавляя его. Несоответствие между тем, что он хотел бы сделать, и тем, что он делает, душевно опустошает его.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что, желая творить только добро, щедро отдавая то лучшее, что есть в нем самом, мой герой никому не в состоянии принести счастья...

С одной стороны, виной тому лишь его собственный характер; но с другой стороны, — и это не менее важно для образа, — драматичность существования героя обусловлена обстоятельствами, в которых он оказывается помимо собственной воли. Нередко самые добрые и бескорыстные желания и поступки его словно выворачиваются наизнанку, обращаются в свою противоположность, сталкиваясь с непорядочностью или непониманием.

Я попыталась сыграть...

Мне нравится володинская эксцентричность в сочетании с абсолютной жизненной правдой, мне дорога его человечность. Когда Г. Данелия предложил мне прочитать сценарий А. Володина, я была просто счастлива. Предстояло сыграть жену героя, которая только и делает, что прощает и сознательно закрывает глаза на все плохое в своей семейной жизни, которая догадывается, что муж изменяет ей, которая готова терпеть измены, потому что любит мужа. Но как при этом страдает ее женское достоинство! Положение свое она прекрасно понимает, но чаще всего ей хватает внутренних сил скрывать это понимание. Однако иногда прорывается наружу вся горечь, вся боль... Но, повторяю, главное, что она любит, не перестает любить, не в силах бороться со своим чувством... У Нины всегда страх в глазах, потому что она не знает, придет ее муж сегодня вечером домой или нет, а если и придет, то откуда, где был? Страх, постоянный страх. Всякий раз, когда раздается телефонный звонок и она берет трубку, ее тисками сжимает этот страх — а вдруг он ей скажет сейчас: «Ты извини, но я с тобой жить больше не буду, не могу. Я ухожу к другой...» Вот такую женщину, которая скована вечной тревогой, я и попыталась сыграть в фильме «Осенний марафон».

«Осенний марафон». «Мосфильм», 1979.

Автор сценария — А. Володин. Режиссер — Г. Данелия. Гл. оператор — С. Вронский. Художники — Н. Шенгелая, Э. Немечек. Композитор — А. Петров. Звукооператор — А. А. Погосян.

Роли исполняют: О. Баилашвили — Бузыкин, Н. Гундарева — Нина, М. Неёлова — Алла, Норбеш Кухинке — иностранный гость, Г. Волчек — Варвара, Е. Леонов — сосед, Н. Крючков — дядя Коля.

Майя Туровская. «Осенний марафон»	5
Осенний марафон	10
Булат Окуджава. Письмо вместо рецензии	66
Олег Баилашвили. Мне повезло	68
Наталья Гундарева. Я попыталась сыграть...	69
Фильмографическая справка	70

Володин Александр

В 68 Осенний марафон: (печальная комедия). Киносценарий / Вступ. статья М. Туровской.— М.: Искусство, 1980. — 71 с., ил. — (Б-ка киномрама-тургии).

Кажется, что в той ситуации, в которую попадают герои «Осеннего марафона», нет виновных. Любовь, сдвинув принятые моральные нормы, приносит страдания хорошим по-своему людям. Но сценарий А. Володина не только о том, что в жизни бывают такие запутанности, которые трудно преодолеть без потерь. Сценарий о другом — о высокой душевной и человеческой нравственности, ибо неумение в нужный момент сказать «нет» заставляет идти на компромисс, а внутренняя бездействие приводит к капитуляции перед жизнью.

В 80106-231
025(01)-80 93-95-80

ББК 85.543(2)
778С

Александр Моисеевич Володин

ОСЕННИЙ МАРАФОН

Редактор **А. М. Сандлер**

Художественный редактор **И. С. Жихарев**

Художник **Г. К. Александров**

Технические редакторы **Г. П. Давидок** и **Т. Б. Любина**

Корректор **З. Д. Гинзбург**

ИБ № 1428. Сдано в набор 12.05.80. Подписано к печати 08.08.80. А12866. Формат издания 84×100/32. Бумага тифдручная. Гарнитура журнально-рублиная. Глубокая печать. Усл. п. л. 3,5. Уч.-изд. л. 4,822. Изд. № 15206. Тираж 30 000. Заказ 1846. Цена 35 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.